

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра китайской филологии

ДУБОВИК

Полина Владимировна

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЦАНЬ СЮЭ

Дипломная работа

Научный руководитель:
старший преподаватель
Тиханович Екатерина Вячеславовна

Минск, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	9
1.1. Синтаксис как научная дисциплина	9
1.2. Структурная организация предложения китайского языка	13
1.3. Синтаксические особенности предложения в китайском языке	15
ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	21
2.1. Феномен актуального членения предложения	21
2.2. История изучения актуального членения предложения в китайском языке	25
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СИНТАКСИСА В РАССКАЗАХ ЦАНЬ СЮЭ «ХИЖИНА В ГОРАХ» И «СТАРАЯ ЦИКАДА».....	29
3.1. Коммуникативный синтаксис простого предложения	29
3.2. Коммуникативный синтаксис усложненного предложения	36
3.3. Коммуникативный синтаксис сложного предложения	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	55
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	58

РЕФЕРАТ

Дубовик Полина Владимировна

Коммуникативный аспект изучения синтаксиса китайского языка на материале художественных произведений Цань Сюэ

Структура и объем работы: работа состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы и 1 приложения.

Объем: 52 стр., список использованной литературы – 39 позиций.

Ключевые слова: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК, КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС, АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ТОПИК, КОММЕНТАРИЙ.

Цель исследования: выявить особенности коммуникативного синтаксиса художественного текста на китайском языке.

Объект исследования: рассказы Цань Сюэ «Хижина в горах» (кит. 残雪 «山上的小屋», 1985 г.) и «Старая цикада» (кит. 残雪 «老蝉», 1990 г.).

Предмет исследования: синтаксический анализ рассказов Цань Сюэ «Хижина в горах» и «Старая цикада».

Методы исследования: описательно-аналитический метод; метод количественного подсчета; системный, компонентный и синтагматический анализ.

Полученные результаты и их новизна: в процессе исследования были выявлены основные характерные особенности китайского синтаксиса, обусловленные выделением топика и комментария; определена степень разработанности проблемы актуального членения предложения в китайском языке; дан развернутый анализ специфики актуального членения предложения на примере художественного произведения; впервые выполнен перевод на русский язык рассказа «Старая цикада».

Рекомендации по использованию результатов: материалы и результаты исследования могут применяться при изучении коммуникативного синтаксиса современного китайского языка и принципов актуального членения предложения в китайском языке.

Область применения: материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания китайского и русского языков как иностранных, теоретических курсов по синтаксису китайского языка.

РЭФЕРАТ

Дубовік Паліна Уладзіміраўна

Камунікатыўны аспект вывучэння сінтаксісу кітайскай мовы на матэрыяле мастацкіх твораў Цань Сюэ

Структура і аб'ём працы: праца складаецца з уводзінаў, 3 раздзелаў, заключэння, спіса выкарыстанай літаратуры і 1 дадатку.

Аб'ём: 52 стар., спіс выкарыстанай літаратуры – 39 пазіцый.

Ключавыя словы: КІТАЙСКАЯ МОВА, КАМУНІКАТЫЎНЫ СІНТАКСІС, АКТУАЛЬНАЕ ЧЛЕНЕННЕ СКАЗА, ТОПІК, КАМЕНТАР.

Мэта даследавання: выявіць асаблівасці камунікатыўнага сінтаксісу мастацкага тэксту на кітайскай мове.

Аб'ект даследавання: апавяданні Цань Сюэ «Хаціна ў гарах» (кіт. 残雪 «山上的小屋», 1985 г.) і «Старая цыкада» (кіт. 残雪 «老蝉», 1990 г.).

Прадмет даследавання: сінтаксічны аналіз апавяданняў Цань Сюэ «Хаціна ў гарах» і «Старая цыкада».

Метады даследавання: апісальна-аналітычны метад; метад колькаснага падліку; сістэмны, кампанентны і сінтагматычны аналіз.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: у працэсе даследавання былі выяўлены асноўныя характэрныя асаблівасці кітайскага сінтаксісу, абумоўленыя вылучэннем топіка і каментарна; вызначана ступень распрацаванасці праблемы актуальнага членення сказа ў кітайскай мове; дадзены разгорнуты аналіз спецыфікі актуальнага членення сказа на прыкладзе мастацкага твора; упершыню выкананы пераклад на рускую мову апавядання «Старая цыкада».

Рэкамендацыі па выкарыстанні вынікаў: матэрыялы і вынікі даследавання могуць прымяняцца пры вывучэнні камунікатыўнага сінтаксісу сучаснай кітайскай мовы і прыняцця актуальнага членення сказа ў кітайскай мове.

Галіна прымянення: матэрыялы даследавання могуць быць выкарыстаны ў практыцы выкладання кітайскай і рускай моў як замежных, тэарэтычных курсаў па сінтаксісе кітайскай мовы.

ABSTRACT

Dubovik Polina Vladimirovna

The communicative aspect of studying syntax of the Chinese language on the basis of the literary works of Can Xue

The structure and contents of the work: the work consists of an introduction, 3 chapters, a conclusion, the list of the sources used and 1 appendix.

Contents: 52 pages, sources used – 39 sources.

Key words: CHINESE LANGUAGE, COMMUNICATIVE SYNTAX, ACTUAL SENTENCE, TOPIC, COMMENT.

The purpose of the work: to analyze the features of the communicative syntax of a literary text in Chinese.

The object of the research: Can Xue's stories «The Cabin in the Mountains» (Chinese 残雪 «山上的小屋», 1985) and «The Old Cicada» (Chinese 残雪 «老蝉», 1990).

The subject of the research: syntactic analysis of Can Xue's stories «The Cabin in the Mountains» and «The Old Cicada».

The methods of the research: descriptive-analytical method; method of quantitative calculation; systemic, component, and syntagmatic analyses.

The results and their novelty: in the course of the study, the main characteristic features of the Chinese syntax due to the selection of a topic and a comment were identified; the degree of development of the problem of the actual division of a sentence in Chinese is determined; a detailed analysis of the specifics of the actual division of the sentence is given on the example of a work of art; the translation into Russian of the story «The Old Cicada», which had not been translated into Russian before, was made.

Recommendations for using the results of the research: the materials and results of the study can be used in the study of the communicative syntax of modern Chinese and the principles of actual sentence division in Chinese.

Applicable scope: the research materials can be used in the practice of teaching Chinese and Russian as foreign languages, theoretical courses on the syntax of the Chinese language.

ВВЕДЕНИЕ

Классическое китайское языкознание – единственная лингвистическая традиция, созданная на основе изолирующего языка. История развития китайского языковедения насчитывает в общей сложности около XX столетий, и при этом вплоть до XIX века данная наука развивалась самостоятельно, оставаясь в стороне от основных теорий мирового языкознания, преимущественно в силу принципиальных различий языкового строя аморфного китайского языка от флективных европейских.

Формирование лингвистики как самостоятельной научной дисциплины в Китае начало свое оформление только в XIX веке, когда китайские лингвисты применили терминологический аппарат традиционной европейской лингвистики для описания китайского языка.

В теоретической грамматике китайского языка до сих пор остается масса неразрешенных вопросов, по которым высказываются противоречивые точки зрения, ведется бурная дискуссия, не приводящая к однозначному ответу.

Одним из таких спорных вопросов является вопрос о топики-комментариевых отношениях, которые находят свое выражение при помощи определенных морфологических и синтаксических средств и способствуют коммуникативному характеру синтаксиса.

Предметом коммуникативного синтаксиса, согласно утверждению Б. Ю. Нормана, является то, как строится и как «ведет себя» высказывание в определенном контексте, с учетом определенной коммуникативной задачи, в какие отношения оно входит с другими себе подобными единицами [14, 126].

В рамках коммуникативного подхода к синтаксическим единицам была сформулирована концепция об актуальном членении предложения. В работе «О так называемом актуальном членении предложения» лингвист В. Матезиус впервые изложил основные положения данной теории: «Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает» [12, 240].

Актуальное членение предложения в китайском языке – проблема, издавна привлекающая внимание лингвистов. Среди китайских ученых разработкой данной проблемы занимались Ши Юйчжи, Сюй Лецзюн, Лю Даньцин, Чжао Юаньжэнь и др. Работы по изучению актуального членения предложения в

отечественном языкознании представлены трудами В. С. Панфилова, А. Келиму и др.

Материалом для изучения коммуникативного синтаксиса, с одной стороны, является устная речь, с другой – художественная литература. Произведения писательницы Цань Сюэ, которые следует отнести к литературе абсурда, являются одним из наиболее показательных примеров для понимания принципов функционирования не только структурного, но и коммуникативного синтаксиса.

Н. К. Хузиятова отмечает: «Цань Сюэ, используя философские идеи, художественные изобразительные средства и приемы западноевропейской литературы, воспринимает их с точки зрения китайской системы мировоззрения. Такой синтез помогает писательнице создать свой неповторимый стиль. Для нее важным является не воссоздание деталей и подробностей реального мира, а изображение реальности чувств, так как, в представлении Цань Сюэ, единственно реальным является мир души человека» [19].

Уникальность произведений Цань Сюэ заключается в причудливом стиле письма. Язык персонажей, будь то монологи или диалоги, подобен бреду, он лишен логики, в нем нарушены причинно-следственные связи. С. И. Крылова отмечает: «В произведениях Цань Сюэ такие основополагающие элементы реализма, как сюжет, прорисовка характера и здравый смысл сведены к минимуму, а в некоторых случаях и вовсе отсутствуют» [10]. По этой причине идеостиль Цань Сюэ интересен с точки зрения реализации в нем возможностей коммуникативного синтаксиса.

Цель дипломной работы – выявить особенности коммуникативного синтаксиса художественного текста на китайском языке.

Цель обусловила постановку следующих **задач**:

1. Выявить основные характерные особенности китайского синтаксиса, обусловленные выделением топики и комментария;
2. Определить степень разработанности проблемы актуального членения предложения в китайском языке.
3. Дать развернутый анализ специфики актуального членения предложения на примере художественного произведения.

Объектом исследования являются рассказы Цань Сюэ «Хижина в горах» (кит. 残雪 «山上的小屋», 1985 г.) и «Старая цикада» (кит. 残雪 «老蝉», 1990 г.).

Предметом исследования является синтаксический анализ рассказов Цань Сюэ «Хижина в горах» и «Старая цикада». Автором дипломной работы был выполнен художественный перевод рассказа «Старая цикада», отрывок из которого дан в приложении 1.

Актуальность исследования заключается в следующем: 1) в настоящее время синтаксическая область является наиболее проблемным полем в китайском языкознании и требует проведения всестороннего исследования с целью систематизации имеющейся информации; 2) по причине глобализации и всемирной интеграции проблемы коммуникации с каждым годом становятся все более актуальными, и так как основная функция языка – коммуникативная – реализуется именно через синтаксис, исследования в этой области становятся все более востребованными; 3) объектом исследования являются рассказы Цань Сюэ «Хижина в горах» и «Старая цикада», особенности коммуникативного синтаксиса которых, насколько нам известно, ранее не исследовались. Анализ рассказов «Хижина в горах» и «Старая цикада», произведенный в рамках данной работы, позволит выяснить соотношение синтаксических и коммуникативных ролей в простом, усложненном и сложном предложении. Анализ призван дополнительно доказать необходимость и возможность структурированного подхода к исследованиям коммуникативного аспекта предложения.

Методология исследования: описательно-аналитический метод; метод количественного подсчета; системный, компонентный и синтагматический анализ.

Структура дипломной работы: введение, три главы, заключение, список использованной литературы, приложение.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Синтаксис как научная дисциплина

Согласно определению, представленному в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «синтаксис – это раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также общие свойства предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста» [11].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указывается также: «Для изолирующих, или аморфных, языков характерно отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов» [11]. Из этого следует, что для изолирующих языков, к которым относится китайский, синтаксический уровень является основополагающим, так как в языках такого типа порядок слов в предложении и строгие правила сочетаемости различных синтаксических единиц между собой играют ключевую роль при описании грамматического строя языка.

В. И. Горелов отмечает: «Грамматика китайского языка состоит из двух разделов: морфологии и синтаксиса. В морфологии дано систематическое описание частей речи (знаменательные слова) и частиц речи (служебные слова). В синтаксисе дано описание простого, усложненного и сложного предложений. Синтаксис содержит сведения о членах предложения и главнейших функциональных и структурных типах простых предложений» [2, 3]. Исходя из вышесказанного следует вывод, что морфология и синтаксис тесно связаны друг с другом, хотя и представляют собой разные уровни языковой системы, и проблемы толкования грамматических категорий слов проявляются при описании структуры всего предложения.

На морфологическом уровне в китайском языке возникает сложный и, во многом, дискуссионный вопрос об определении той или иной словарной единицы как части речи. Словарные единицы достаточно свободно перемещаются из одной категории в другую, что влечет за собой также и проблему определения их как членов предложения. Д. А. Карпека указывает: «Само по себе наличие частей речи (грамматических классов слов) в любом языке обязательно, так как части речи возникают на основе парадигматических отношений. Однако в изолирующих языках слово в своей формальной стороне не несет никаких показателей, отражающих его основное синтаксическое значение, становясь тем самым до

известной степени полисинтаксичным» [7, 8]. Исходя из этого можно утверждать, что в изолирующих языках определение синтаксической единицы как части речи может быть раскрыто только на синтаксическом уровне и зависит от позиции, которую эта единица занимает в предложении или словосочетании.

В классическом европейском языкознании считается, что слово (часть речи, член предложения) – это центральная единица изучения грамматики, однако вследствие невозможности определения части речи по морфологическим признакам в китайском языке, в китайском языкознании возникает необходимость в оформлении собственной синтаксической теории, которая начала активно формироваться сравнительно недавно.

Первый шаг был сделан всего около века назад, в 1898 году, во времена династии Цин, с публикацией первого всеобъемлющего труда Ма Цзяньчжуна «Грамматический компендиум господина Ма» (《马氏文通》, 1898), в котором впервые описывается грамматический строй китайского языка с помощью категориального аппарата европейской лингвистики [37, 14]. Данная работа стала основой для дальнейшего развития китайской синтаксической науки.

Неоценимым вкладом в разработку теории китайского синтаксиса является работа Ли Цзиньси «Новая грамматика национального языка» (《新著国语文法》, 1924). В представлении Ли Цзиньси, синтаксис является ядром грамматики, именно он вводит в китайский язык понятие «синтаксис»: «Это наука о структурной организации предложения, сокращенно – «законы предложения» (句法)» [33, 18]. Основываясь на понятийном аппарате и методах европейской языковедческой традиции, Ли Цзиньси смог разработать некоторые грамматические концепты, подходящие для реалий китайского языка, а также впервые подошел к изучению китайской грамматики с точки зрения синтаксического анализа.

Описание структуры предложения в работе Ли Цзиньси основано на двух наборах грамматических понятий: 1) часть речи (词类), определяется как «группировка слов по грамматическим признакам»; 2) понятие «член предложения» (句子成分), понимается как основа для анализа предложения и его деления на структурные части. Ли Цзиньси выделяет следующие члены предложения: 1) главные члены предложения (主要的成分) – подлежащее (主语) и сказуемое (述语); 2) сопутствующие члены предложения (连带的成分) – дополнение (宾语) и комплемент (补足语); 3) определяющие, распространяющие члены предложения (附加的成分) — адъективное (выражаемое прилагательным) определение (形容的附加语) и адverbиальное (выражаемое наречием) определение (副词的附加语) [33, 44].

Согласно Ли Цзиньси, главные (подлежащее и сказуемое) и вспомогательные (дополнение и комплемент) члены предложения образуют структурную основу предложения. Основываясь на определенном понимании взаимосвязи между частями речи и компонентами предложения в европейской грамматической теории, Ли Цзиньси сформулировал основополагающие принципы китайского синтаксиса.

Однако созданная Ли Цзиньси система членов предложения не отражает в полной мере явления китайского языка, а потому последующие исследования были направлены на ее коррекцию с целью разработки более соответствующей китайскому языковому строю структуры.

В исследовании Е. И. Шутовой представлен второй подход, разработанный Люй Шусяном в книге «Очерк грамматики китайского языка» (《中国文法要略》, 1942), в которой продолжается вектор исследований, намечанный в ранних работах Ли Цзиньси, но при этом развиваются принципиально новые идеи, по-другому трактуется понятие «член предложения» и закладываются основы для новых исследований китайского синтаксиса [21, 7].

Е. И. Шутова отмечает: «Люй Шусян так же, как и Ли Цзиньси, для описания китайского предложения использует два ряда центральных грамматических понятий: 1) понятие части речи и понятие слова как носителя реляционного значения определенной части речи; 2) понятие члена предложения как компонента структуры предложения. Однако Люй Шусян подходит к принципиально иному пониманию соотношения между этими понятиями. Если для Ли Цзиньси это, по сути, тождественные понятия, то Люй Шусян допускает возможность их несовпадения» [21, 8]. Люй Шусян размышляет так: «Подлежащее может быть, но может и не быть исходным словом глагола. Так, например, существительные, стоящие после глагола, являются по отношению к нему в первом случае – исходным, во втором – конечным словом, тогда как с точки зрения всего предложения в целом – это в обоих случаях подлежащее. Подобным же образом в функции подлежащего выступает конечное слово. Аналогично можно считать подлежащим и конечное слово, вынесенное в начало предложения» [36, 123]. Исходным словом Люй Шусян называет субъект действия, а конечным – объект действия. В данном очерке он впервые указывает на некорректность синтаксической теории Ли Цзиньси и создает прецедент для дальнейшего уточнения и детализации существующих представлений в области синтаксиса, а также задает новое направление в трактовке понятия «член предложения».

Лингвист Чжан Чжигун, как указывает Е. И. Шутова, был первым ученым в области изучения китайской грамматики, кто предложил разграничивать подлежащее и дополнение, основываясь на занимаемой позиции в предложении относительно глагола. В работе «Общие сведения по грамматике китайского языка» (《汉语语法常识》, 1953) Чжан Чжигун говорит о значимости порядка слов в китайском языке в отношении определения подлежащего и дополнения, так как, согласно утверждению ученого, подлежащее всегда находится в предпозиции к глаголу-сказуемому, а дополнение – в постпозиции [20, 11].

Данный подход, как отмечает Е. И. Шутова, вызвал множество споров в ученой среде. Участниками дискуссии подчеркивалось, что сами понятия субъекта и объекта действия, будучи приложенными к китайскому материалу, не могут быть достаточно четко разграничены и дифференцированы [19, 13]. Дж. Хуан говорит о том, что во многих статьях, опубликованных в ходе дискуссии, выражается мысль о том, что для решения проблемы грамматического значения категорий подлежащего и дополнения необходимо тщательное изучение свойственных языку синтаксических структур, таких как постпозитивных по отношению к глаголу элементов [25, 45].

В дальнейшем Люй Шусяном развивается теория об иерархическом характере синтаксической структуры предложения, которая в его труде «Проблемы грамматического анализа китайского языка» (《汉语语法分析问题》, 1979) была сформулирована следующим образом: «Любой языковой отрезок состоит из нескольких простых элементов (语素), однако образование того или иного отрезка – это не одноэтапное действие, а происходит оно следующим образом: сначала объединяются два элемента, которые затем объединяются с третьим элементом или с каким-либо другим сочетанием элементов, и так уровень за уровнем организуется целое. Поэтому при анализе некоторого готового отрезка целое сначала делится на две части, затем деление производится на каждом уровне, вплоть до отдельного простого элемента» [36, 43].

Иерархический строй предложения, выраженный в объединении отдельных компонентов в синтаксические структуры, представляет собой пересмотр отношений между традиционными понятиями структуры предложения и компонентами предложения. Иерархический подход считается наиболее применимым к китайскому синтаксису на современном этапе его развития.

К настоящему времени, как указывает В. И. Горелов, в китайском языкознании сложилось представление о системе членов предложения китайского синтаксиса, включающей в себя следующие шесть членов: 1) подлежащее (主语),

2) сказуемое (谓语), 3) дополнение (宾语), 4) комплемент (补语), 5) определение (定语), 6) обстоятельство (状语) [2, 78].

Таким образом, методы изучения основных принципов синтаксиса китайского языка в период активного формирования данной науки претерпевали различные изменения, дополняя друг друга и тем самым формулируя наиболее полную и подробную синтаксическую теорию, применимую в современной китайской грамматике.

1.2. Структурная организация предложения китайского языка

Так как синтаксическая функция слова, лишенного определенных морфологических показателей в китайском языке, зависит от его положения в предложении, то ключевую роль для восприятия смысла играет порядок слов.

Китайский язык относится к языкам с применением **прямого порядка слов**, причем лингвисты-китаеведы отмечают, что именно синтаксическая структура китайского языка оставалась наиболее стабильной на протяжении достаточно длительного промежутка времени [1].

Наиболее типичная схема китайского предложения с глагольным сказуемым: «подлежащее – сказуемое – дополнение». Это широко распространенное синтаксическое построение, синтаксическая структура, лежащая в основе многих разновидностей простого предложения китайского языка, например: 我看书 wǒ kànshū – Я читаю книгу, 他买水果 tā mǎi shuǐguǒ – Он покупает фрукты. Произвольное изменение этого порядка слов не допускается, так как оно неизбежно приводит к изменению смысла предложения.

Одно из важнейших правил синтаксиса китайского языка – *определение всегда предшествует определяемому*. Что касается обстоятельства, то оно часто помещается перед сказуемым. Например: 这个工厂顺利地完成了生产计划 zhège gōngchǎng shùnlì dì wánchéngle shēngchǎn jìhuà – Этот завод успешно выполнил производственный план [3, 17].

Вместе с тем, как отмечает Д. А. Карпека, «развитые и совершенные средства и приемы китайского синтаксиса допускают инверсию, различного рода перестановки членов предложения, а также дистантное расположение в речевой цепи грамматически связанных компонентов синтаксических структур» [7, 80]. Такого рода изменения в структурной организации предложения обусловлены авторским синтаксисом, или синтаксической изобразительностью, которая может не соответствовать существующим в языке грамматическим правилам и

используется автором художественного текста для преднамеренного переноса акцента в предложении, для придания более яркой эмоциональной окраски выражению.

Так, В. И. Горелов говорит об инверсии подлежащего и дополнения [2, 91].

Инверсия подлежащего, по утверждению Д. А. Карпеки, «имеет место в тех случаях, когда речь идет о: 1) существовании, т.н. 存在句子 cúnzài jùzi (как правило, выражается связкой 是 shì); 2) месторасположении; в) наличии или отсутствии (как правило, выражается глаголом 有 yǒu), а также г) появлении или исчезновении» [7, 35].

Например: 墙上挂着地图 qiáng shàng guà zhuó dìtú – На стене висит карта, 五十年来, 在世界上起了很大的变化 wǔshí niánlái, zài shìjiè shàng qǐle hěn dà de biànhuà – За последние 50 лет в мире произошли большие перемены [3, 19].

В тех случаях, когда необходимо выделить сказуемое по смыслу, возможна инверсия дополнения. Для этого используется служебное слово 把 . При употреблении данного слова фокус в предложении переходит с субъекта на объект действия. Например: 我把衣服洗了 wǒ bǎ yīfú xǐle – Я постирал одежду, 他把自行车修了 tā bǎ zìxíngchē xiūle – Он починил велосипед.

Также часто встречается тип инверсии, предполагающий смещение смыслового акцента в сторону дополнения. В таком случае дополнение занимает первое место в предложении с целью смыслового или эмфатического выделения. Например: 这本书我看过了 zhè běn shū wǒ kànguòle – Вот эту книгу я читал, 这问题我早就发问过了 zhè wèntí wǒ zǎo jiù fāwènguòle – Этот вопрос я уже давно задавал.

В китайском языке предложениям и словосочетаниям свойственна структурная ясность и лаконизм. Порядок слов в китайском предложении отличается строгой фиксированностью. Так, согласно утверждению Карпеки Д. А., «подлежащее в китайском языке всегда предшествует сказуемому, за исключением случаев инверсии, а также предложений с т.н. нулевым подлежащим (эллипс)» [7, 15].

Д. А. Карпека говорит о том, что «предложения китайского языка неоднородны. Для них характерна разная коммуникативная установка. По внутреннему строению, по степени сложности грамматической структуры предложения китайского языка следует подразделить на простые, усложненные и сложные» [7, 224].

Простые предложения имеют одну предикативную единицу, грамматическая структура которой определяется средствами выражения для категорий времени и модальности.

Усложненное предложение состоит из двух частей. Одна часть усложненного предложения входит в состав другой в качестве распространенного члена предложения. Усложненные предложения подразделяются на две разновидности: предложения с включенной частью и предложения с придаточной частью.

Сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. В сложносочиненном предложении простые предложения, входящие в его состав, равноправны, связаны между собой соединительными союзами либо же характеризуются бессоюзной связью частей. Связь частей сложноподчиненного предложения, напротив, подчинительная, т.е. простые предложения, входящие в состав сложноподчиненного, неравноправны между собой. Одно из этих простых предложений является главным, а остальные – зависимыми.

Таким образом, на современном этапе развития синтаксической науки в Китае, исследователи сходятся во мнении, что синтаксическая функция слова обнаруживается через его отношения с другими словами в предложении, которые выражаются при помощи порядка слов и употребления служебных слов, а не в его морфологических признаках. В китайском синтаксисе выделяется шесть членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, комплемент, определение, обстоятельство. Наиболее типичная схема китайского предложения с глагольным сказуемым: «подлежащее – сказуемое – дополнение». По структуре предложения китайского языка делятся на простые, усложненные и сложные.

1.3. Синтаксические особенности предложения в китайском языке

Синтаксис китайского языка обладает рядом характеристик, отличающих его грамматический строй от строя языков флективного типа. Исследователь В. И. Горелов выделяет следующие особенности синтаксиса китайского языка [2, 139]:

1. Беспредложные словосочетания.

Для выражения пространственных, объектных и других отношений используется синтаксическая связь, называемая примыканием. В китайском языке отношения между синтаксическими единицами не могут быть выражены такими видами связи, как дополнение или согласование, так как на морфологическом уровне не происходит варьирования внутри лексем. Такая разновидность синтаксической связи, как примыкание, выражается в беспредложных словосочетаниях: 走路 «идти по дороге» (буквально: «идти дорога»), 照顾孩子

«зботиться о детях» (буквально: «заботиться дети»), 照镜子 «смотреться в зеркало» (буквально: «смотреть зеркало») и т.п.

2. Эллипс.

В соответствии с синтаксическим положением пропущенных слов в предложении существует эллипс подлежащего, сказуемого, определения, обстоятельства и дополнения, что широко встречается в текстах художественного стиля. Для разговорного стиля наиболее характерен эллипсис служебных слов, особенно союзов и предлогов, в то время как для книжного стиля такой эллипс не свойственен. Д. А. Карпека уточняет: «Что же касается письменно-книжных стилей, то в них широко и многообразно представлены служебные слова, в том числе имеются многочисленные случаи, когда для выражения одного и того же грамматического значения имеются несколько разных, этимологически не связанных служебных слов» [7, 15].

Эллипс является эффективным приемом со стилистической точки зрения, так как придает выражениям краткость и выразительность, делает речь более четкой и лаконичной. Эллипс в китайском языке является распространенным явлением, вызванным в первую очередь принципом экономии языковых средств и утвержденным в речевой практике носителей языка.

3. Идентичное оформление синтаксических единиц.

Д. А. Карпека отмечает: «Характерной особенностью синтаксического строя китайского языка является употребление одних и тех же (или омонимичных) служебных слов для обозначения синтаксических связей и выражения смысловых отношений между членами предложения и между частями сложного целого» [7, 46].

Лингвист приводит следующий пример: «Служебное слово 的 выражает атрибутивные отношения между определением и определяемым в простом предложении. Вместе с тем, оно способно выражать эти же семантические отношения между придаточным и главным предложением в составе сложной синтаксической единицы. Предложно-послеложные сочетания 在.....以前 «до того как», 在.....以后 «после того как», и другие употребляются в составе обстоятельственных оборотов времени в простом предложении. Они же в структуре сложных предложений являются формальным средством выражения некоторых разновидностей временных отношений» [7, 16].

В простых предложениях в китайском языке могут использоваться служебные слова, такие как 为了 «для, ради» и 因为 «из-за, ввиду, благодаря» для выражения значения цели или причины. Эти слова также могут использоваться в

сложных предложениях в качестве союзов, чтобы выразить объектные отношения и причинно-следственные связи.

4. Фиксированный словопорядок.

Эта особенность является одной из важнейших при описании грамматической структуры китайского языка, так как лексические единицы обычно не имеют морфологических показателей, а их синтаксическая функция в предложении раскрывается в зависимости от занимаемой ими позиции. В языках синтетического строя имя существительное ставится на место подлежащего или дополнения именно потому, что подлежащее во многих случаях выражается именем существительным, в китайском же языке применим обратный подход. Слово, стоящее на месте подлежащего, обычно и является именем существительным. По этой причине устойчивая ассоциация между словом по значению и частью речи в предложении не может быть использована в отношении китайского языка.

Например:

我爱猫。Я люблю кошек.

爱 стоит на месте сказуемого, а потому воспринимается носителем как глагол «любить».

我爱人喜欢跑步。Мой муж любит пробежки.

В данном случае 爱 – определение к слову 人 «человек», а потому выступает как прилагательное «любимый», «возлюбленный» (в данном предложении входит в состав устойчивого сочетания 爱人 – «муж», «любимый человек»); 跑步 стоит на месте дополнения, потому воспринимается носителем как существительное «пробежка».

我在跑步呢。Я сейчас бегаю.

В предложении 跑步 стоит на месте сказуемого и воспринимается носителем как глагол «бегать».

Китайский язык относится к языкам с применением прямого порядка слов, наиболее типичная схема китайского предложения с глагольным сказуемым – «подлежащее – сказуемое – дополнение». Это широко распространенная синтаксическая структура, лежащая в основе многих типов простого предложения в китайском языке. Вместе с тем, как отмечает Д. А. Карпека, «развитые и совершенные средства и приемы китайского синтаксиса допускают инверсию, различного рода перестановки членов предложения, а также дистантное расположение в речевой цепи грамматически связанных компонентов синтаксических структур» [7, 80].

5. Показатели членов предложения.

В китайском языке существуют специальные служебные слова для обозначения структурных элементов простых предложений, например, 而, 之, 的, 将, 者. Данные служебные слова определяют морфологическую функцию лексических компонентов, т.е. путем присоединения служебного слова синтаксическая единица обретает единственный возможный вариант определения ее как части речи. Например, 记者 «журналист» (существительное), 幸福的 «счастливый» (прилагательное) и др.

В. Ф. Щичко, в свою очередь, называет эти служебные слова «суффиксами» [22, 20].

6. Групповое оформление членов предложения.

Д. А. Карпека так комментирует данную особенность китайского синтаксиса: «Подобно тому, как суффикс коллективной множественности существительных 们 и видовременной суффикс глаголов 了 способны осуществлять групповое оформление нескольких слов, служебные слова – показатель определения 的 и показатель обстоятельства 地 – также могут одновременно относиться к нескольким лексическим единицам, выполняющим функцию однородных членов предложения» [7, 17].

Например:

我听取了我的家人和朋友的意见。Я прислушался к мнению родных и друзей.

7. Включение членов предложения.

Д. А. Карпека отмечает: «Структура предложений с включенной частью является убедительным свидетельством предельной простоты синтаксических связей, присущих изолирующим языкам, так как образование этих предложений не требует употребления каких-либо служебных слов и осуществляется простым включением одной части предложения в состав другой» [7, 17].

Например:

他知道我不是广西人。Он знает, что я не из Гуанси.

В данном предложении включенная часть 我不是广西人 wǒ bùshì Guǎngxī rén по составу эквивалентна целому предложению, в предложении играет роль дополнения. Вместе с основной частью 他知道 tā zhīdào без формальных грамматических средств объединяется в одну синтаксическую конструкцию.

8. Рамочные конструкции.

Согласно утверждению А. С. Елецкой, «рамочная конструкция, называемая иногда замыканием, является одним из важных средств формальной организации синтаксических единиц китайского языка. Она создается посредством дистантного расположения формальных элементов (служебных слов и специальных

лексических элементов), тесно связанных между собой в функционально-синтаксическом отношении» [4, 4].

Лексические образования, входящие в границы рамочной конструкции, являются одним членом предложения. Кроме того, рамочная конструкция служит для разграничения частей сложных синтаксических структур.

Исследователь китайской грамматики В. Ф. Щичко утверждает: «В современном китайском языке насчитывается огромное количество рамочных конструкций, из которых в реальном языковом употреблении чаще всего встречаются немногим более трех сотен» [23, 45].

Д. А. Карпека выделяет следующие типы рамочных конструкций:

- *Рамочные конструкции, образованные путем сочетания предлогов и существительных либо послелогов* [7, 18].

В данную категорию входят рамочные конструкции с использованием предлога 在 и определенных послелогов (上, 下, 前, 后, 里, 中, 内, 外, 间, 旁, 边, 左, 右, 东, 西, 南, 北, 时 и некоторыми другими, а также образованными от них отымёнными наречиями: 前面, 上头 и т.д.); рамочная конструкция 自从.....以来 «с тех пор как» и др.

Например:

在这种情况下, 医药也无能为力。В такой ситуации лекарства не помогают.

В предложении данные рамочные конструкции чаще всего обрамляют с двух сторон обстоятельство места или времени, но также могут использоваться для разграничения частей сложного синтаксического построения.

- *Рамочные конструкции, представляющие собой сочетания предлогов (послелогов) со специальными лексическими элементами, а также сочетания двух лексических элементов* [7, 18].

К данному типу относят такие рамочные конструкции, как: 每逢时候 «каждый раз, когда», 等到.....以后 «с наступлением того времени, когда», 直到为止 «до тех пор, пока не» и др.

Например:

他好几次出声地念着地址, 直到记牢为止。Он несколько раз вслух повторил адрес, пока не запомнил.

Роль сложных синтаксических единиц, входящих в рамочные конструкции данного типа, заключается в передаче значения временных отношений.

- *Рамочные конструкции, компонентами которых являются союзы и специальные лексические элементы* [7, 18].

Данная категория представлена такими рамочными конструкциями, как 如果 (的)话 «в том случае, если», 因为..... (的)缘故 «по той причине, что» и др.

Например:

他因为没有事做的缘故, 就闷得了不得。Он скучает по причине того, что ему нечем заняться.

Рамочные конструкции данного типа располагаются в начале и в конце придаточного предложения условия и причины и формально обозначают границу между придаточным и главным предложением.

- *Рамочные конструкции, которые образуют части сложных компаративных союзов [7, 18].*

Рамочные конструкции данного типа – это такие конструкции, как 好像..... 似的 «как, словно», 如同..... 一样 / 一般 «точно, точно так же, как» и др.

Например:

她好像有什么心事似的。Как будто у нее что-то на уме.

Возможны случаи, когда компоненты рамочных конструкций данной категории обрамляют с двух сторон придаточную часть либо подчиненную часть в составе сложного предложения, выражающую отношения сходства.

Например:

如同我的人民信任我一样, 我也相信你。Как мой народ верит в меня, так я верю в тебя.

Таким образом, основными особенностями синтаксиса китайского языка являются: беспредложные словосочетания, эллипс, идентичное оформление синтаксических единиц, показатели членов предложения, групповое оформление членов предложения, включение членов предложения, а также рамочные конструкции.

Важнейшим принципом синтаксиса китайского языка является фиксированный порядок слов, перестановки в рамках которого допускаются только в определенных пределах, при этом без изменения синтаксических ролей лексических единиц.

Предложения китайского языка делятся на простые (имеют в составе одну предикативную единицу), усложненные (состоят из двух частей, одна из которых представляет собой придаточную либо включенную часть) и сложные (части связаны союзным и бессоюзным сочинением и подчинением).

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Феномен актуального членения предложения

Исследователь Н. В. Иванов отмечает, что «впервые вопрос об актуальном членении предложения привлек внимание лингвистов еще в конце XIX века, но, несмотря на наличие большого количества научных работ, посвященных исследованию коммуникативного синтаксиса в целом и актуального членения предложения в частности, полностью понять природу данного явления и связать его по родству и сходству с другими явлениями в контексте языка, культуры и коммуникации пока окончательно не удалось» [5, 1].

Актуальное членение предложения – это многоаспектное явление, суть которого заключается в осуществлении коммуникативной функции языка, для которой возможности реализации в речи (в тексте) достаточно широкие, не заключенные в строгие рамки правил. Однако в то же время данный феномен тесно связан с такими формальными аспектами, как грамматика и синтаксис, вследствие чего можно заключить, что объяснить природу актуального членения предложения не представляется возможным, так как в значительной степени оно зависит от контекста. Чтобы сформировать представление о этапах развития и о современном понимании концепции «актуальное членение предложения», необходимо сделать краткий обзор истории исследований по данному вопросу.

Первыми, кто обратил внимание на зависимость внутреннего распределения синтаксических функций от фразового глагольного ударения, были немецкие младограмматики (Х. Пауль, К. Бругман, и др.). Немецкие лингвисты установили, что порядок слов в предложении определяется не только грамматическими принципами, но и коммуникативной ролью определенных синтаксических единиц, которые позиционно обуславливают характерный способ членения предложения. В психологическом плане они видели в новом типе членения выражение семантической направленности предложения в соответствии с порядком развития мыслей, стоящих за предложением.

Одной из основных идей на данном этапе было выделение синтаксического и психологического членения предложения. Согласно утверждению младограмматиков, психологическое членение – это привычки сознания, действующие на подсознательном уровне и влияющие на структурную специфику синтаксиса и его реализацию в экспрессивной речи. По мнению младограмматиков, синтаксическое членение производно от психологического, с

тем отличием, что синтаксис и синтаксические структуры – это «застывшие» психологические модели, закрепившиеся в общественном сознании. Вместе с тем младограмматики считали, что грамматические категории в целом производны от психологических.

Труд чешского лингвиста В. Матезиуса, который назвал данное явление *«актуальным членением предложения»*, положил начало новому этапу в исследовании коммуникативного синтаксиса.

В работах «О так называемом актуальном членении предложения» и «Основная функция порядка слов в чешском языке» В. Матезиус подробно описал теорию актуального членения предложения. Основные положения данной теории, представленной в работах чешского лингвиста, можно свести к следующему: «Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, т.е. то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, т.е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [12, 239].

В. Матезиус противопоставлял актуальное членение, которое выясняет способ включения предложения в ситуацию и предметный контекст, на базе которого оно возникает, формальному членению предложения на грамматические субъект и предикат. Непосредственно под термином «актуальное членение предложения» ученый понимал «деление предложения на исходную точку или основу высказывания, т.е. то, что в данной ситуации является известным, и ядро высказывания, отражающее сообщаемую говорящим в процессе коммуникации новую информацию» [13, 242]. По мнению исследователя, актуальное членение позволяет выявить функцию предложения, которая определяется как целевая установка речевого высказывания.

Большое значение В. Матезиус придавал порядку слов в предложении. По его мнению, основная функция порядка слов заключается в выражении способа актуального членения предложения. Матезиус не разделяет понятия актуального членения и порядка слов, таким образом устанавливая соответствие между темой и ремой в левой и правой частях предложения соответственно, что вызывает бурные возражения в современных исследованиях.

Актуальное членение предложения, в отличие от формального (синтаксического), отражает смысловую сторону предложения, позволяет выразить и разграничить уже известное и новое для слушателя. Например, актуальное членение предложения «Чай в кружке» происходит следующим

образом: «Чай (тема) в кружке (рема)». К данному предложению можно поставить вопрос «где чай?», следовательно, «чай» – известная информация, «в кружке» – новая. Аналогично происходит актуальное членение в предложении «В кружке чай»: «В кружке (тема) чай (рема)» (что в кружке?). Таким образом, актуальное членение предложения зависит от того, какую коммуникативную цель преследует высказывание, что в большинстве случаев распознается в контексте.

Основными терминами теории об актуальном членении предложения являются понятия «тема» и «рема». Тема характеризуется тем, о чем говорится в предложении. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указано, что **тема** – это исходный пункт сообщения (предложения) – то, относительно чего нечто утверждается в данном предложении, а **рема** – это то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения – теме и создает предикативность, законченное выражение мысли [11].

Между темой и ремой отсутствует соответствие по функции в предложении. Рема является обязательным компонентом высказывания, благодаря которому предложение приобретает коммуникативную направленность и может быть использовано в качестве высказывания, без ремы предложение теряет смысл. Предложение может состоять только из ремы, тема не обязательна для функционирования высказывания, но тема невозможна без ремы.

Тестелец Я. Г. отмечает: «Рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно, тема – его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема – это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы – относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью» [17, 445].

Для правильного определения ремы в предложении важным является установление **фокуса контраста** (который исследователи также называют рематизацией).

Данное явление характеризуется использованием определенных интонационных (эмфатическое ударение, обособление ремы в начальной позиции посредством паузы и др.) и синтаксических (частиц) средств для выделения нового в предложении. В.С. Панфилов предлагает такой способ для определения фокуса контраста: «Фокус контраста – это такой сегмент высказывания, к которому “напрашивается” продолжение “а не...”: Иван доверил мне свою машину (а не что-то другое) /Иван доверил свою машину мне (а не кому-то другому)» [15, 67].

Исследователи из Пражского лингвистического кружка для описания экстралингвистической обусловленности предложения активно использовали термин «функциональная перспектива предложения», который, по существу, является синонимом термина «актуальное членение предложения». Лингвисты фокусировались на семантических свойствах предложения и соотносили их с коммуникативным и познавательным факторами речевой деятельности, так как при актуальном членении выражается как коммуникативная, так и познавательная направленность высказывания.

Коммуникативный подход сводит актуальное членение предложения к коммуникативной функции речи, следовательно, исследователи приходят к выводу, что коммуникативная функция речи и является основанием для существования актуального членения. В. Б. Касевич утверждает: «С точки зрения порождения речи семантика предложения (высказывания) задается до выбора синтаксической структуры, и одним из первых этапов в семантическом структурировании является определение темы сообщения» [6, 448].

Однако данный подход подвергает сомнению саму основу теории коммуникативного синтаксиса: тезис о бинарности, двуаспектности высказывания, то есть тесной связности синтаксиса и актуального членения. Таким образом, коммуникативный подход предполагает наличие в предложении не только темы и ремы, но и других связующих элементов.

Хотя и предпринимались попытки связать актуальное членение с суперсинтаксическим уровнем языковой системы, где единицей является не предложение, а сообщение или высказывание, однако, согласно Е. И. Шутовой, «эти попытки связаны с противопоставлением предложения сообщению, с представлением о предложении как о номинативной, а не коммуникативной единице, что несовместимо со статусом предложения как языковой единицы» [20, 15].

Таким образом, основными терминами теории актуального членения предложения являются «тема», «рема», а также «фокус контраста». Тема – это исходный пункт сообщения (предложения) – то, относительно чего нечто утверждается в данном предложении, а рема – это то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения – теме и создает предикативность, законченное выражение мысли. Фокус контраста помогает определить рему в предложении с помощью интонационных и синтаксических средств, таких как ударение, пауза, частицы и др.

2.2. История изучения актуального членения предложения в китайском языке

В следствие того, что ключевые понятия теории об актуальном членении предложения, такие как тема и рема, были разработаны в Пражском лингвистическом кружке, они являются справедливыми для большинства европейских языков, но оказываются неприменимы к китайскому языку. Американские ученые Ч. Ли и С. Томпсон пришли к выводу, что некоторые восточные языки, в том числе китайский, кардинально отличаются от европейских, прежде всего тем, что для них не так важны подлежащее и сказуемое, как топик – тема высказывания (предмет обсуждения) и комментарий – то главное, значительное, что сообщается об этой теме [26, 456].

Важным понятием в грамматике не только китайского языка, но и в современной лингвистике в целом является понятие «топик» (话题). Хотя факт его значимости для коммуникативного синтаксиса признается лингвистами со всего мира, тем не менее до сих пор существует множество противоречивых мнений, действительно ли применимо понятие «топик» к грамматике китайского языка.

В настоящее время существует множество работ, в которых исследуется топики-комментариевая структура предложения китайского языка.

Лингвист Чжао Юаньжэнь был первым, кто внедрил понятие топика в китайское языкознание в работе «Грамматика разговорного китайского языка». Данный труд имел большой резонанс в научном сообществе и вызвал жаркие споры касательно вопроса отношений между топиком и подлежащим, так как ранее эти термины не разграничивались.

Чжао Юаньжэнь исследовал тему коммуникативного синтаксиса с точки зрения структурализма. Он пришел к выводу, что в китайском языке отношения между подлежащим и сказуемым не настолько тесные, как в других языках, а также предположил, что подлежащее и топик в предложении представлены одной и той же синтаксической структурой/единицей. [24, 45].

Лингвисты Ли Линьдин [32, 36], Чжу Дэси [39, 178] и другие поддерживали позицию Чжао Юаньжэня. По их мнению, подлежащее представляет собой именную группу, которая обычно занимает начальную позицию в предложении и выступает в качестве топика. Тем не менее, данное утверждение нельзя считать верным для всех предложений, несмотря на то, что топик и подлежащее часто представлены одной и той же лексической конструкцией.

С позиции формализма вопрос о том, каким образом определяется топик в китайском языке, также вызывает множество вопросов. Некоторые лингвисты считают, что топик задается структурой предложения, а не позиционно, так как не все конструкции можно получить, перемещая топик в начало предложения. Такие лингвисты как Дж. Хуан, Ли Линьдин и др. утверждают обратное: «Условие поднимаемости соблюдается, следовательно, топик можно выделить путем перемещения» [32, 35]. Лу Цзяньмин утверждал, что возможны случаи нарушения условий поднимаемости [35, 334].

Чжао Юаньжэнь отмечает: «...Грамматическое значение подлежащего и сказуемого – это топик и комментарий, а не действующее лицо и действие», а также «подлежащее – это буквально предмет, о котором следует говорить, а сказуемое – это то, что говорящий комментирует при представлении субъекта» [24, 69].

С точки зрения функционализма актуальное членение предложения рассматривали лингвисты Ч. Ли и С. Томпсон. Согласно Ч. Ли и С. Томпсон, все существующие языки можно разделить на «языки с ориентацией на топик» (话题优先) и «языки с ориентацией на подлежащее» (主语优先). Топико-ориентированный язык (топиковый язык) – это язык, синтаксис которого ориентирован на выделение в предложении либо речевом высказывании топика и комментария (такие восточные языки, как японский, корейский, китайский и др.), а не подлежащего и сказуемого (английский, немецкий, испанский и др.). Согласно утверждению Цзянь Кан Лор, китайский язык считается топиковым языком, так как в китайской грамматике топик превалирует над комментарием [29, 369].

Топик представляет собой объект, уже установленный в определенном контексте, это предмет актуального интереса и беспокойства, следовательно, он определен заранее. В китайском языке топик обычно стоит в начале предложения. Однако, чтобы определить, является ли начальный элемент топиком предложения, необходимо рассмотреть контекст, в котором он встречается.

Новой информацией в предложении (комментарием) может быть что угодно, от одного слова до целого предложения. Только знание контекста может дать представление о том, какая часть информации, выраженная в предложении, действительно нова для слушателя.

Например: 今天下午我们去海边野餐 jīntiān xiàwǔ wǒmen qù hǎibiān yěcān – «Сегодня вечером мы едем к морю на пикник». В данном предложении «данная» или «новая» информация контекстуально не установлена, она экстралингвистична в том смысле, что решение о статусе полученной информации принимается

исходя из предположения говорящего о том, как много слушатель знает о сообщении. Однако если данному сообщению предшествует вопрос: 今天下午我们做什么? jīntiān xiàwǔ wǒmen zuò shénme? – «Что мы делаем сегодня вечером?», то топи́ком, данной информацией, будет являться часть 今天下午我们 jīntiān xiàwǔ wǒmen; часть 去海边野餐 qù hǎibiān yěcān является новым элементом, который ищется в вопросе, потому что говорящий уже знает, что во второй половине дня будет какая-то деятельность.

При определении смыслового центра предложения необходимо субъективное логическое ударение говорящего, которое в китайском языке передается с помощью интонации и паузы. Для выделения логического ударения необходимы такие средства выражения актуального членения, как интонация (для устной речи), лексические (артикли, частицы) и синтаксические средства (структура предложения, порядок слов, особые конструкции).

Интонация, как указано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «является важным средством формирования высказывания и выявления его смысла. В высказывании интонация выполняет следующие функции: различает коммуникативные типы высказывания – побуждение, вопрос, восклицание, повествование, импликацию (подразумевание); различает части высказывания соответственно их смысловой важности, выделенности; оформляет высказывание в единое целое, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы; выражает конкретные эмоции; вскрывает подтекст высказывания; характеризует говорящего и ситуацию общения» [11].

По данным исследования Линь Маоцань было установлено, что интонация в речевом потоке имеет важное значение для выделения топи́ка и комментария в предложении. Независимо от того, какой тон у слогов, входящих в состав элементов актуального членения, в речи топи́к всегда сопровождается повышенной интонацией, а комментарий – пониженной [34, 64]. Исходя из данных этого исследования можно утверждать, что повышенная интонация свойственна топи́ку, а повествовательная – комментарию.

В. С. Панфилов говорит о том, что «в актуальном членении высказывания в китайском языке преобладает роль лексико-синтаксических средств (выделительные частицы, выделительные обороты), назначение которых сводится к тому, чтобы сузить коммуникативный диапазон исходной конструкции, если не свести его к реализации единственного коммуникативного задания» [15, 69]. Таким образом, маркеры актуального членения подразделяются на частицы (啊, 吧, 嘛 и др.) и предлоги (关于, 至于, 对于, 为了, 因为, 作为, 根据 и др.).

В китайском языке путем изменения структуры предложений и использования служебных слов может быть достигнута коммуникативная задача речевого высказывания, однако изменение порядка слов не допускается, так как это неизбежно ведет к коммуникативной неудаче. А. Келиму подчеркивает: «Для того чтобы определять актуальное членение предложения в китайском языке, кроме логического ударения еще необходимы такие средства, как частицы: 是 (不是) “ли”; 不是, 是否 “не (ли)”, или устойчивые словосочетания: 正是 “именно”;是.....,怎 样 “что является чем/каким”; (做).....的是 “это ... делал что-то” и т.д.» [8, 283].

Например: 书是爸爸买的 shū shì bàba mǎi de – «Книгу купил именно папа». В данном предложении с помощью устойчивой конструкции 是.....的 логическое ударение выделяет смысловое ядро предложения, его комментарий 是爸爸买的 shì bàba mǎi de. В предложении 爸爸买的是书 bàba mǎi de shì shū – «То, что купил папа, является книгой», конструкция (做).....的是 указывает на то, что комментарием к топикю 爸爸买的是 bàba mǎi de shì является элемент 书.

Таким образом, в китайской грамматике топиком обычно является подлежащее, которое называет объект, а предикат (сказуемое + дополнение) выступает в роли комментария, имеет назначение описания подлежащего и является центром структуры предложения, т.е. принципиальной разницы между синтаксическим и актуальным членением предложения в китайском языке не существует, а основным показателем является логическое ударение.

В китайском языке одним из основных средств определения синтаксической функции слова является место, занимаемое им в предложении. Поскольку слово не оформлено грамматически, его отношение к другим словам передается с помощью аналитических средств, а именно – с помощью предлогов и порядка слов.

Комментарием в предложении может быть что угодно, от одного слова до целого предложения. Только знание контекста может дать представление о том, какая часть информации, выраженная в предложении, действительно нова для слушателя.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СИНТАКСИСА В РАССКАЗАХ ЦАНЬ СЮЭ «ХИЖИНА В ГОРАХ» И «СТАРАЯ ЦИКАДА»

3.1. Коммуникативный синтаксис простого предложения

Изучение коммуникативного синтаксиса простых предложений в китайском языке включает анализ коммуникативного потенциала соответствующих структур и взаимосвязи их синтаксических и коммуникативных ролей.

Ниже приведен анализ коммуникативного синтаксиса простых предложений в отрывках из рассказов Цань Сюэ «Хижина в горах» и «Старая цикада». Перевод анализируемого отрывка из рассказа «Старая цикада» представлен в приложении.

Актуальное членение простого предложения подразумевает выделение в составе предложения топика, наиболее часто представленного подлежащим либо грамматической основой с второстепенными членами предложения, и комментария. Как правило, актуальное членение распознается в контексте. В рамках анализа было рассмотрено 24 простых предложения.

Топик в китайском языке часто бывает выражен подлежащим, однако эти понятия следует разграничивать. Согласно Ч. Ли и С. Томпсон, «топик – это понятие текстовое, в то время как подлежащее – в значительной степени понятие внутрисентенциальное. Первое может быть лучше всего понято с точки зрения связного текста и внесентенциальных соображений, а последнее – с точки зрения его функций внутри структуры предложения» [27, 69]. В большинстве случаев топик и подлежащее совпадают.

Наиболее распространенный вариант выражения топика – **подлежащее, занимающее начальную позицию в предложении**. Рассмотрим предложения с таким способом выражения топика.

В предложении «妈妈说，朝我做出一个虚伪的笑容» māma shuō, cháo wǒ yīgè xūwèi de xiàoróng [31] – «С притворной улыбкой говорит мне мама» [18, 28] топиком выступает подлежащее 妈妈 māma. Предложение распространено предложным косвенным дополнением 我 wǒ, которое вводится предлогом 朝 cháo «к», а также прямым дополнением 一个虚伪的笑容 yīgè xūwèi de xiàoróng, выступающим в качестве комментария.

Подлежащее является топиком и в предложении «这是一种病» zhè shì yīzhǒng bìng [31] – «Что-то она того» [18, 28], комментарий – составное именное сказуемое 是一种病 shì yīzhǒng bìng, состоящее из глагола-связки 是 shì и субстантивно-квантитативного словосочетания 一种病 yīzhǒng bìng.

Топиком в предложении «我憋着一口气说下去» wǒ biēzhe yī kǒuqì shuō xiàqù [31] – «Грубо бросаю я» [18, 28] также является подлежащее 我 wǒ. Суффикс глагола 着 zhe в составе обстоятельства способа действия 憋着一口气 biēzhe yī kǒuqì указывает на действие, сопутствующее одновременному действию, обозначаемому последующим простым глагольным сказуемым со сложным компонентом направления 说下去 shuō xiàqù. Группа сказуемого в данном предложении выступает в качестве комментария.

Топиком в предложении «它就这样成了领唱者» tā jiù zhèyàng chéngle lǐngchàngzhě [30] – «Так он стал солистом» выступает подлежащее 它 tā. Рематизация определения 这样 zhèyàng к сказуемому происходит с помощью комментариёвого показателя 就 jiù, что, как утверждает В. С. Панфилов, является более характерным для рематизации обстоятельства, а в отношении определения выступает в качестве исключения и в языке встречается редко [15, 82]. Сложное двучленное именное сказуемое 成了领唱者 chéngle lǐngchàngzhě с определением 就这样 jiù zhèyàng является комментарием.

В предложении «那会是怎样的一场恶斗?» nàhuì shì zěnyàng de yī chǎng èdòu [30]? – «Что же за жестокая схватка это была?» топиком выступает подлежащее 那会 nàhuì, о чем известно из контекста. В состав комментария входит составное именное сказуемое с определением 是怎样的一场恶斗 shì zěnyàng de yī chǎng èdòu.

Подлежащее с определением 头部 chán de tóubù является топиком предложения «那么，蝉的头部又到哪里去了?» nàme, chán de tóubù yòu dào nǎlǐ qùle [30]? – «Тогда куда делась голова цикады?», а группа сказуемого 又到哪里去了 yòu dào nǎlǐ qùle выступает в качестве комментария.

Союзная частица 那么 nàme занимает предподлежащую позицию и поясняет все высказывание в целом, в следствие чего выходит за границы актуального членения предложения. Так, В. С. Панфилов пишет: «Определение к предложению помещается либо в начале предложения, либо перед группой сказуемого, но в любом случае, поясняя высказывание в целом, находится вне его актуального членения» [15, 77].

Подлежащее 那段时光 nà duàn shíguāng в предложении «那段时光全面地塑造了它的性格» nà duàn shíguāng quánmiàn de sùzàole tā de xìnggé [30] – «Тот период времени полностью сформировал его характер» является топиком, а комментарием выступает группа сказуемого 塑造了 sùzàole с определительным обстоятельством 全面地 quánmiàn de и дополнением 它的性格 tā de xìnggé.

Описывая время, проведенное цикадой под землей, как темное и одинокое, а также усилив значение этого периода лексическим повтором 时光 shíguāng и

указательным местоимением 那 nà, автор наделяет героя сильными чертами характера, такими как жизнестойкость и упорство, а также отчужденность.

В рассказах Цань Сюэ встречаются предложения, начальную позицию в которых занимают обстоятельства места или времени. Обычно такие обстоятельства по коммуникативной роли являются **фокусом контраста**.

Так как в простом предложении «月光下，有那么多的小偷在我们这栋房子周围徘徊» yuèguāng xià, yǒu nàme duō de xiǎotōu zài wǒmen zhè dòng fángzi zhōuwéi páihuái [31] – «По ночам, когда луна, к нашему дому подбираются воров, тьма-тьмущая» [18, 28] в начало предложения вводится обстоятельство места 月光下 yuèguāng xià и является фокусом контраста, что обусловлено позиционно. В речи данное обстоятельство будет выделяться паузой. Подлежащее 有那么多的小偷 nàme duō de xiǎotōu является топиком предложения, обстоятельство места 在我们这栋房子周围 zài wǒmen zhè dòng fángzi zhōuwéi – вторая часть комментария, заключающая в себе новую информацию.

Такая же ситуация наблюдается в предложении «有一天，我决定到山上去看个究竟» yǒu yītiān, wǒ juéding dào shānshàng qù kàn gè jiùjìng [31] – «Однажды я все-таки решила разведать, что же там, на горе» [18, 28]. Обстоятельство места 有一天 yǒu yītiān, выраженное наречием времени, выносится в начало предложения и отделяется от основной части запятой, что позволяет заключить о том, что данное обстоятельство является фокусом контраста. Подлежащее 我 wǒ является топиком, второй частью комментария является остальное предложение.

В предложении «母亲假装什么也不知道，垂着眼» mǔqīn jiàzhuāng shénme yě bù zhīdào, chuízhe yǎn [31] – «Мать притворяется, будто знать ничего не знает, а глаза-то опускает» [18, 28] подлежащее 母亲 mǔqīn является топиком. Первое сказуемое представляет собой сложное двучленное глагольное сказуемое 假装不知道 jiàzhuāng bù zhīdào, при этом элементы сказуемого дистанцируются в предложении посредством прямого дополнения 什么也 shénme yě, второе сказуемое – простое глагольное 垂着 chuízhe, суффикс 着 zhe в данном предложении указывает на действие, сопутствующее другому действию. Обычно основное действие обозначается последующим сказуемым, однако в данном предложении сопутствующее действие 垂着眼 chuízhe yǎn сепарировано от основного и вынесено в конец предложения, что нарушает порядок использования данной грамматической конструкции. Таким образом автор уравнивает функциональное значение данных глаголов в предложении и обращает внимание читателя на каждое сказуемое в отдельности, что позволяет говорить о фокусе контраста на данных сказуемых.

В анализируемых текстах автор часто обращается к **приему инверсии** с целью выделения второстепенного члена предложения, обращая таким образом внимание читателя на фокус контраста.

В предложении «父亲避开我的目光，把脸向窗口转过去» fùqín bìkāi wǒ de mùguāng, bǎ liǎn xiàng chuāngkǒu zhuǎn guòqù [31] – «Отец отворачивается, избегая моего взгляда» [18, 28] наблюдается инверсия дополнения с помощью предлога 把 bǎ, что может говорить о фокусе контраста на данном дополнении. Топиком является подлежащее 父亲 fùqín, распространяющие предложение простые глагольные однородные сказуемые 避开 bìkāi, 转过去 zhuǎn guòqù, прямое дополнение 我的目光 wǒ de mùguāng являются комментарием.

Обстоятельственный оборот времени 在梦里 zài mèng lǐ в простом предложении «我在梦里暗暗下定决心，要把它打捞上来» wǒ zài mèng lǐ àn'àn xiàdìng juéxīn, yào bǎ tā dǎlāo shànglái [31] – «Во сне понимаю, что вроде бы достать надо» [18, 28] занимает позицию после подлежащего 我 wǒ, выступающего в качестве топика. Первое сказуемое является простым глагольным сказуемым 决心 juéxīn, второе – сложное двучленное глагольное сказуемое, выраженное модальным глаголом 要 yào и глаголом со сложным компонентом направления 打捞上来 dǎlāo shànglái, предложение распространено инверсированным дополнением 把它 bǎ tā.

Кроме подлежащего, **в состав топика могут входить и другие члены предложения**, как сказуемое (главный член предложения), так и дополнение, определение, обстоятельство (второстепенные члены предложения). Рассмотрим, каким образом происходит актуальное членение в таком случае.

Например, в случае, если подлежащее отсутствует, как в безличном предложении «抽屉永生永世也清理不好，哼» – chōutì yǒngshēngyǒngshì yě qīnglǐ bù hǎo, hēng [31] – «Разве в ящиках когда бывает порядок?» [18, 28], топиком может выступать сказуемое 清理 qīnglǐ, к которому присоединяется потенциальная форма результативного компонента 不好 bùhǎo, указывающая на невозможность успешного завершения действия. Хотя в большинстве случаев прямое дополнение следует после сказуемого, в данном предложении дополнение 抽屉 chōutì вынесено на первое место с целью его эмфатического выделения, но при этом выступает комментарием, а не топиком, что подтверждает идею Ч. Ли и С. Томпсон о том, что изначальный элемент предложения не обязательно должен являться топиком.

Отдельно следует отметить использование модально-экспрессивной частицы 哼 hēng, занимающей место в конце предложения. Данная частица влияет на коммуникативный характер высказывания, выражая модальное значение

недовольства, пренебрежения, недоверия, сомнения. В текстах художественного стиля данная частица встречается нечасто, наиболее характерно ее употребление в устной речи.

В предложении «郊区的情况就要好得多» jiāoqū de qíngkuàng jiù yàohǎo dé duō [30] – «В пригороде дела обстояли намного лучше» подлежащее с определением 郊区的情况 jiāoqū de qíngkuàng выступает в качестве топики, в то время как сказуемое 就 jiù и обстоятельство 要好得多 yàohǎo dé duō входят в состав комментария. Как отмечает В. С. Панфилов, «положение в составе группы сказуемого наиболее благоприятно для определения обстоятельства как комментария, естественно происходящего за счет самого присутствия факультативного компонента при сказуемом. Наличием комментариёвого показателя достигается выдвижение обстоятельства в фокус контраста в составе комментария – группы сказуемого» [15, 77].

В состав топики предложения «老单身汉当时就呆在它的老地方» lǎo dānshēnhàn dāngshí jiù dāi zài tā de lǎo dìfāng [30] – «Старый одиночка был на своем старом месте» входит подлежащее 老单身汉 lǎo dānshēnhàn и обстоятельство времени 当时 dāngshí, так как обстоятельство времени уже известно из контекста и не является новой информацией. Комментарием выступает группа сказуемого с обстоятельством места 呆在它的老地方 dāi zài tā de lǎo dìfāng, на что также указывает наличие комментариёвого показателя 就 jiù. Посредством использования лексического повтора слова 老 lǎo и в составе топики, и в составе комментария в данном предложении передается значение регулярности привычек старой цикады.

К топике предложения «它从那树枝上可以眼观八方» tā cóng nà shùzhī shàng kěyǐ yǎn guān bāfāng [30] – «С этой ветки он мог видеть во всех направлениях», кроме подлежащего 它 tā, следует отнести обстоятельство 从那树枝上 cóng nà shùzhī shàng, так как данное обстоятельство неоднократно упоминалась в тексте. Об этом свидетельствует также и употребление указательного местоимения 那 nà. Таким образом, обстоятельство в данном предложении является данной информацией. Новой информацией, в свою очередь, выступает сложное двучленное глагольное сказуемое с дополнением 可以眼观八方 kěyǐ yǎn guān bāfāng.

В предложении «然后，这拖得过长的沉默突然被海浪般热烈的合唱打破» ránhòu, zhè tuōdé guòcháng de chénmò túrán bèi hǎilàng bān rèliè de héchàng dǎpò [30] – «Затем затянувшаяся тишина была внезапно нарушена волнообразным оживленным хором» определение к предложению 然后 ránhòu занимает позицию в начале предложения, что делает его исходным пунктом сообщения, из-за чего

данный элемент нельзя отнести ни к топику 这拖得过长的沉默 zhè tuōdé guòcháng de chénmò, ни к комментарию 突然被海浪般热烈的合唱打破 túrán bèi hǎilàng bān rèliè de héchàng dǎrò. Использование указательного местоимения 这 zhè в топике подчеркивает топиковый характер подлежащего, а также связывает топик данного предложения с контекстом предыдущего.

Так как в предложении «它是一只年老的雄蝉，作为群体的首领当之无愧» tā shì yī zhǐ niánlǎo de xióng chán, zuòwéi qúntǐ de shǒulǐng dāngzhīwúkuì [30] – «Это был старый самец цикады, заслуженно возглавлявший группу» описывается внешность и характер старой цикады, что становится понятно из контекста, то топиком выступает подлежащее 它 tā вместе со сложным именным сказуемым 一只年老的雄蝉 yī zhǐ niánlǎo de xióng chán. Комментарием является вторая часть предложения, так как в ней заключена новая информация о том, что цикада является лидером своей группы, и что сородичи относятся к ней с должным почтением.

В предложении «它虽成了领唱者，还是独来独往» tā suī chéngle lǐngchàngzhě, hái shì dú lái dú wǎng [30] – «Но он, хотя и стал солистом, все еще держался особняком» автор повторно использует топик и комментарий предыдущего предложения, подчеркивая таким образом значимость факта становления старой цикады в качестве ведущего голоса в хоре. Так как этот факт уже известен из предыдущего предложения, то вся первая часть, в состав которой входит грамматическая основа с одним из двух однородных сказуемых 它虽成了领唱者 tā suī chéngle lǐngchàngzhě, является топиком, а вторая часть, состоящая из союза и второго сказуемого 还是独来独往 hái shì dú lái dú wǎng, – комментарием.

Подлежащим в предложении «我不死心，下一次又记起它» wǒ bù sǐxīn, xià yīcì yòu jìqǐ tā [31] – «Я соглашаюсь, а ночью – все тот же сон» [18, 28] выступает местоимение 我 wǒ, являющееся топиком. Остальные члены предложения (обстоятельство меры 下一次, сочинительный союз 又 соединяющий однородные простые глагольные сказуемые 不死心 bù sǐxīn и 记起 jìqǐ) выходят в состав комментария.

В простом предложении «所有人的耳朵都出了毛病» suǒyǒu de rén de ěrduǒ dōu chūle máobìng [31] – «Это тебе мерещится!» [18, 28] в состав топика водит подлежащее 耳朵 ěrduǒ и два определения 所有的 suǒyǒu de и 人的 rén de, которые находятся в семантической связи между собой, т.е., фактически, определяют друг друга. Сказуемое 都出了毛病 dōu chūle máobìng является комментарием.

Подлежащее с определением 所有的东西 suǒyǒu de dōngxi в предложении «所有的东西都那么扎眼，搞得眼泪直流» suǒyǒu de dōngxi dōu nàme zhāyǎn, gǎode

yǎnlèi zhíliú [31] – «Там все какое-то слепящее, дрожащее, сил нет смотреть, глаза слезятся» [18, 28] является топиком, группы простое качественное сказуемого 扎眼 zhāyǎn и простого глагольного сказуемого 搞 gǎo являются комментарием.

Отдельно взятые второстепенные члены предложения также могут выступать в качестве топики, если исходная информация известна из контекста.

Так, топиком предложения «在伸入云霄的几棵老杨树的树冠上，一只生着强健翅膀的老蝉，总是呆在鹊巢下边的粗枝上» zài shēn rù yúnxīāo de jǐ kē lǎo yáng shù de shùguān shàng, yī zhī shēngzhe qiángjiàn chìbǎng de lǎo chán, zǒng shì dāi zài què cháo xiàbian de cū zhī shàng [30] – «В кронах нескольких старых тополей, уходящих в небо, на толстой ветке под сороковым гнездом всегда сидит старая цикада с крепкими крыльями» является известное из контекста обстоятельство места 在伸入云霄的几棵老杨树的树冠上 zài shēn rù yúnxīāo de jǐ kē lǎo yáng shù de shùguān shàng, вынесенное на первое место в предложении. В данном предложении также отражена яркая особенность структурного синтаксиса Цань Сюэ, влияющая на актуальное членение предложения, а именно отделение группы подлежащего 一只生着强健翅膀的老蝉 yī zhī shēngzhe qiángjiàn chìbǎng de lǎo chán от группы сказуемого 总是呆在鹊巢下边的粗枝上 zǒng shì dāi zài què cháo xiàbian de cū zhī shàng с помощью запятой, что содействует интонационному выделению группы подлежащего в качестве фокуса комментария.

Специфичность идеостиля Цань Сюэ в аспекте коммуникативного синтаксиса ярко отражена также и в предложении «蛛网下的遗骸吸引了小区里面的居民» zhūwǎng xià de yíhái xīyīnle xiǎoqū lǐmiàn de jūmín [30] – «Останки под паутиной привлекли жителей комплекса». Оно отличается нарушением топики-комментариевой структуры, так как топиком в предложении выступает новая информация 蛛网下的遗骸 zhūwǎng xià de yíhái, а комментарием – данная 引了小区里面的居民 xīyīnle xiǎoqū lǐmiàn de jūmín. В следствие такой перемены происходит нарушение логики повествования. Автор вводит в привычную обстановку, знакомую из контекста (паутина, жители комплекса) новую тему, привнося в последовательное до сих пор повествование элемент неожиданности в виде резкой смены топики, а использование в качестве комментария уже известных читателю данных создает диссонанс и вызывает сомнение в реальности происходящего у читателя.

С помощью приема замены «данного» на «новое» в топики и «нового» на «данное» в комментарии, Цань Сюэ добивается эффекта потери информации, словно был пропущен кульминационно важный момент произведения.

Таким образом, в большинстве случаев актуальное членение простого предложения становится ясно из контекста, однако контекст не играет роли в тех случаях, когда актуальное членение единственное и распознается вне контекста.

Это можно наблюдать в нераспространенных предложениях, исходный порядок слов которых оказывается приспособленным для реализации единственного коммуникативного задания. В таком случае роль топики выполняет подлежащее, а комментарием выступает сказуемое.

Однако в распространенных предложениях в состав топики, кроме подлежащего, могут входить второстепенные члены предложения, в том числе из группы сказуемого, а также конструкции, представленные второстепенными членами предложения, если исходная часть сообщения известна из контекста.

Специфичность идеостиля Цань Сюэ в аспекте коммуникативного синтаксиса заключается в замене «данного» на «новое» в топике и «нового» на «данное» в комментарии. С помощью такого приема Цань Сюэ добивается эффекта потери информации, словно был пропущен кульминационно важный момент произведения.

3.2. Коммуникативный синтаксис усложненного предложения

В. С. Панфилов отмечает: «Если актуальное членение простого предложения нельзя признать детально разработанным разделом китайском грамматики, то применительно к включающим и сложным предложениям вопрос об актуальном членении как будто вообще не ставился. Между тем параллелизм словесного и предложенческого выражения функциональных единиц позволяет в довольно широких пределах анализировать коммуникативный аспект включающих и сложных предложений с учетом того соотношения синтаксических и коммуникативных ролей, которое действительно для предложения простого. При этом считается само собой разумеющимся, что включающие и сложные предложения рассматриваются в коммуникативном соотношении их непосредственных составляющих и, к примеру, придаточное предложение внутри сложного, как правило, представляет собой единый монокомментариевый компонент» [15, 79].

В рамках данного исследования было проанализировано 14 усложненных предложений, из которых 7 усложнены придаточной частью, еще 7 усложнены включенной частью.

Д. А. Карпека отмечает: «**Предложения, в состав которых входит придаточная часть**, в силу их структурно-семантических особенностей, нельзя

считать простыми. Вместе с тем их нельзя отнести также и к сложным предложениям. Предложение с придаточной частью представляет собой медиальное синтаксическое построение, стоящее между простым и сложным предложениями» [7, 306].

Предложение «那些宠物狗呆在背阴处, 伸长了舌头喘着气» *nàxiē chǒngwù gǒu dāi zài bèiyīn chù, shēn cháng le shétou chuǎnzhe qì* [30] – «Домашние собаки оставались в тени, и, высунув языки, тяжело дышали» усложнено придаточной частью 伸长了舌头喘着气 *shēn cháng le shétou chuǎnzhe qì*. Топиком является подлежащее 那些宠物狗 *nàxiē chǒngwù gǒu*, группа сказуемого и придаточная часть выступают в качестве комментария. Употребление в отношении топика указательного местоимения 那 *nà*, уточняющего, что речь идет именно о домашних собаках, призвано подчеркнуть, что в экспозиции рассказа речь идет именно о городской среде, и обозначить контраст со следующим предложением.

В усложненном предложении «可是它没法将自己的隐忧传达给它的同类, 除了歌唱, 它无法以另外的方式同它们交流» *kěshì tā méifǎ jiāng zìjǐ de yīnyōu chuándá gěi tā de tónglèi, chúle gēchàng, tā wúfǎ yǐ lìngwài de fāngshì tóng tāmen jiāoliú* [30] – «Но он не мог сообщить о своих тайных заботах себе подобным и не мог общаться с ними иначе, кроме как пением» топиком выступает грамматическая основа 它没法 *tā méifǎ*, его лексическим и синтаксическим аналогом в основной части выступает грамматическая основа 它无法 *tā wúfǎ*. Повтор топика подчеркивает абсолютную невозможность совершения действия.

Придаточная часть, выражающая отношения исключения, обычно оформляется парными союзами 除了...以外 *chúle...yǐwài* или 除了...之外 *chúle...zhīwài*, однако придаточная часть в данном предложении 除了歌唱 *chúle gēchàng* оформлена только одним союзом 除了 *chúle*. Эллипс союза в данном случае придает высказыванию динамичность и лаконизм.

Обстоятельство времени 在气候整体变化之前 *zài qìhòu zhěngtǐ biànhuà zhīqián*, являясь придаточной частью, выражающей временные отношения, вынесено в предложении «在气候整体变化之前, 老蝉不可能让它那小小的身躯发育完全了» *zài qìhòu zhěngtǐ biànhuà zhīqián, lǎo chán bù kěnéng ràng tā nà xiǎoxiǎo de shēnqū fāyù wánquánle* [30] – «До полного изменения погоды старая цикада не могла полностью развить свое маленькое тело» на первое место и выходит за границы топико-комментариевых отношений. Топиком же в предложении является грамматическая основа и дополнение 老蝉不可能让它那小小的身躯 *lǎo chán bù kěnéng ràng tā nà xiǎoxiǎo de shēnqū*. На топиковый характер этой части предложения указывает употребление указательного местоимения 那 *nà* в отношении дополнения 它那小小的身躯 *ràng tā nà xiǎoxiǎo de shēnqū*, что говорит

о невозможности отнести данную информацию к комментарию 发育完全了 fāyù wánquánle.

В состав предложения «当我不清理抽屉的时候, 我坐在围椅里, 把双手平放在膝头上, 听见呼啸声» dāng wǒ bù qīnglǐ chōutì de shíhòu, wǒ zuò zài wéi yǐ lǐ, bǎ shuāngshǒu píng fàng zài xī tóu shàng, tīngjiàn hūxiào shēng [31] – «А в моем столе – ящик. Каждый день я навожу там порядок. Если только не сижу в кресле, приладив руки на коленях и прислушиваясь к дальнему вою» [18, 28] входит придаточная часть 当我不清理抽屉的时候 dāng wǒ bù qīnglǐ chōutì de shíhòu. Придаточная часть вводится рамочной конструкцией, представляющей собой сочетание предлога со специальным лексическим элементом 当...的时候 dāng...de shíhòu «в то время, когда». Компоненты данной рамочной конструкции охватывают с двух сторон грамматическую основу, выражая временные отношения. В части 把双手平放在膝头上 bǎ shuāngshǒu píng fàng zài xī tóu shàng с помощью частицы 把 bǎ происходит инверсия дополнения, в результате чего оно занимает место перед сказуемым. И. А. Сизова подчеркивает, что «инверсия дополнения применяется в том случае, когда его необходимо выделить по смыслу, сделать на нем эмфатическое ударение» [16, 35], из чего следует вывод, что данное дополнение является комментарием.

Придаточная часть в предложении «等我的眼睛适应了屋内的黑暗时, 他们已经躲起来了--他们一边笑一边躲» děng wǒ de yǎnjīng shìyìngle wūnèi de hēi'àn shí, tāmen yǐjīng duǒ qǐláile--tāmen yībiān xiào yībiān duǒ [31] – «И, пока глаза мои привыкают к полумраку комнаты, исчезали, посмеиваясь» [18, 28], выражающая временные отношения 等我的眼睛适应了屋内的黑暗时 děng wǒ de yǎnjīng shìyìngle wūnèi de hēi'àn shí, присоединяется к основной части с помощью специального знаменательного слова 时 shí является известной информацией, то есть топи́ком. Отдельно стоит отметить особенность пунктуации в данном предложении. Часть предложения 他们一边笑一边躲 tāmen yībiān xiào yībiān duǒ вводится с помощью тире, а не запятой, как следует поступить по правилам пунктуации, и расширяет часть предложения 他们已经躲起来了 tāmen yǐjīng duǒ qǐláile, стоящую перед ней.

В усложненном предложении «他们帮你重新清理了抽屉, 你不在的时候» tāmen bāng nǐ chóngxīn qīnglǐle chōutì, nǐ bùzài de shíhòu [31] – «Они хотят помочь тебе в ящике прибрать» [18, 28] топи́ком выступает придаточная часть 你不在的时候 nǐ bùzài de shíhòu. Д. А. Карпека утверждает: «Придаточная часть, указывающая время, обычно занимает место в начале предложения, перед основной частью. Иногда (реже и в случае небольшого объема) придаточная часть этого типа помещается между подлежащим и сказуемым основной части» [7, 307]. В данном

предложении придаточная часть занимает место в конце предложения, после дополнения. Это одна из особенностей синтаксиса разговорной речи, с помощью инверсии эмфатически выделяется главное предложение, однако для нейтрального повествования такой тип инверсии несвойственен.

Д. А. Карпека отмечает: «Структура **предложений с включенной частью** является убедительным свидетельством предельной простоты синтаксических связей, присущих изолирующим языкам, так как образование этих предложений не требует употребления каких-либо служебных слов и осуществляется простым включением одной части предложения в состав другой» [7, 18].

Так, в предложении «它的思维进入了某个它的群体难以达到的层次» tā de sīwéi jìnrùle mǒu gè tā de qúntǐ nányǐ dádào de céngcì [30] – «Его мысли дошли до того уровня, которого трудно было достичь кому-либо в его группе» две включенные части, каждая из которых по своему словесному составу равна целому предложению. Д. А. Карпека отмечает: «Включенные части предельно просто, без каких-либо формально-грамматических средств соединяются при помощи глагола-сказуемого 进入了 jìnrùle в одно синтаксически завершённое построение» [7, 18].

Подлежащее 它的思维 tā de sīwéi в данном предложении выступает в качестве топика, остальная часть предложения является комментарием. В фокус комментария выводится включенная часть 某个它的群体难以达到的 mǒu gè tā de qúntǐ nányǐ dádào de.

В следующем предложении «的确，很少有蝉在地下度过 8 年黑暗时光的» díquè, hěn shǎo yǒu chán zài dìxià dùguò 8 nián hēi'àn shíguāng de [30] – «Действительно, очень немногие цикады проводят восемь лет в темноте под землей» речь идет о причине всеобщего уважения к старой цикаде, который провел под землей восемь лет, что в два раза превышает средний срок пребывания личинок цикады под землей. Состав топика 很少有蝉 hěn shǎo yǒu chán, а именно обстоятельство меры 很少 hěn shǎo подчеркивает необыкновенность и уникальность главного действующего лица рассказа среди своих сородичей. Частица 的 de в качестве маркера комментария закрывает комментариевый комплекс. Таким образом, комментарием является часть 在地下度过 8 年黑暗时光的 zài dìxià dùguò 8 nián hēi'àn shíguāng de.

Данное предложение начинается с определения к предложению 的确 díquè, которое является синтаксической единицей, лишенной самостоятельного коммуникативного статуса.

В состав предложения «它知道住宅里有人把它看作眼中钉» tā zhīdào zhùzhái lǐ yǒurén bǎ tā kàn zuò yǎnzhōngdīng [30] – «Он знал, что кто-то в доме смотрит на

него с ненавистью» входят две части, первая из которых 它知道 tā zhīdào является включающей и выступает в качестве топики. Комментарий данного предложения 住宅里有人把它看作眼中钉 zhùzhái lǐ yǒurén bǎ tā kàn zuò yǎnzhōngdīng, отвечая на вопрос: «Что он знал?», является комментарием, и по синтаксической функции является включенным дополнением.

В предложении «听见家人们在黑咕隆咚的地方窃笑» tīngjiàn jiā rénmen zài hēigūlōngdōng de dìfāng qiè xiào [31] – «Думая, будто я не слышу, ухмылялись по темным уголкам домашние» [18, 28] наблюдается эллипс подлежащего. В безличном предложении эллипс подлежащего происходит в том случае, если сказуемое выражено глаголом 有 yǒu, однако в данном предложении простым глагольным сказуемым является результирующий глагол 听见 tīngjiàn, из чего следует вывод, что эллипс подлежащего в данном предложении является проявлением авторского синтаксиса. В состав предложения также входит включенное дополнение 家人们在黑咕隆咚的地方窃笑 rénmen zài hēigūlōngdōng de dìfāng qiè xiào, выступающее в роли комментария.

Топиком в предложении «那井底，有我掉下的一把剪刀» Nà jǐngdǐ, yǒu wǒ diào xià de yī bǎ jiǎndāo [31] – «Когда-то на дно этого колодца я уронил нож» [18, 28] выступает подлежащее 那井底 nà jǐngdǐ, которое отделяется от основного предложения запятой, что способствует его смысловому и эмоциональному выделению. От фокуса контраста данный топик отличает наличие местоимения 那 nà, указывающего на топиковый характер подлежащего. Простое глагольное сказуемое 有 yǒu принимает после себя прямое придаточное предложение, выполняющее роль дополнения 我掉下的一把剪刀 wǒ diào xià de yī bǎ jiǎndāo, и является комментарием.

Важно отметить, что в безличных предложениях с глаголом-сказуемым 有 yǒu, как в предложении 在我家屋后的荒山上，有一座木板搭起来的小屋» zài wǒjiā wū hòu de huāngshān shàng, yǒu yīzuò mùbǎn dā qǐlái de xiǎowū [31] – «За нашим домом – глухая гора, а на ее вершине – дощатая хижина» [18, 28], подлежащее может отсутствовать, а сказуемое в таком случае принимает после себя беспредложное дополнение. Однако, как отмечает Д. А. Карпека, «если в подобного рода предложение вводится обстоятельство места или времени, либо же предложное или беспредложное дополнение, то в таком случае изменяется его семантико-синтаксическая структура: прямое дополнение становится подлежащим, занимающим место в конце предложения как частный случай вышеописанной позиции подлежащего» [7, 36]. Так как в данном предложении обстоятельственный оборот места 在我家屋后的荒山上 zài wǒjiāwū hòu de huāngshānshàng занимает позицию перед сказуемым 有 yǒu, то подлежащее 小屋

xiǎowū стоит на последнем месте и является топиком. Часть 一座木板搭起来的 yīzuò mùbǎn dā qǐlái de является включенным предложением, выполняющим роль определения, и является комментарием.

Во включенном предложении наблюдается эллипс предлога 用 yòng «с помощью», указывающего на материал. Эта особенность китайского синтаксиса более характерна для разговорной речи, однако в художественном тексте основная функция эллипса – придать высказыванию интонацию живой речи и динамичность – также занимает имеет большое значение для стилистического синтаксиса языка.

В предложении «我回家时在房门外站了一会，看见镜子里那个人鞋上沾满了湿泥巴，眼圈周围浮着两大团紫晕» wǒ huíjiā shí zài fángménwài zhànle yīhuì, kànjiàn jìngzi lǐ nàgè rén xiéshàng zhān mǎnle shī níbā, yǎnquān zhōuwéi fú zháo liǎng dà tuán zǐ yūn [31] – «Вернувшись, постояла у дверей, глянула на себя в зеркало – ну и фигура, туфли заляпаны, под глазами синие круги» [18, 28] топиком является подлежащее с обстоятельством 我回家时 wǒ huíjiā shí. Предложение усложнено включенными однородными дополнениями 那个人鞋上沾满了湿泥巴 nàgè rén xiéshàng zhān mǎnle shī níbā, 眼圈周围浮着两大团紫晕 yǎnquān zhōuwéi fú zháo liǎng dà tuán zǐ yūn. В данном предложении используется в беспредложное словосочетание 看见镜子里 kànjiàn jìngzi lǐ, являющееся характерной особенностью китайского синтаксиса. Включенные части здесь выступают в качестве комментария.

Таким образом, своеобразие коммуникативного оформления усложненного и предложения является порождением таких факторов, как речевая ситуация (или контекстное окружение) и структурно-семантическая организация текста, которая предопределяет потенциальные возможности коммуникативного использования предложения.

В усложненном предложении топиком, как правило, выступает подлежащее или грамматическая основа предложения.

3.3. Коммуникативный синтаксис сложного предложения

Далее приведен анализ коммуникативного синтаксиса сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Сложносочиненное предложение включает две или более равнозначные части, которые сохраняют относительную самостоятельность и не подчинены друг другу. В китайском языке, помимо интонации и порядка слов, для связи частей

сложного предложения широко используются союзы и частицы союзного типа, однако также широко распространена и бессоюзная связь частей. В рамках анализа было рассмотрено 25 сложносочиненных предложений.

Сложносочиненное предложение включает две или более равнозначные части, которые сохраняют относительную самостоятельность и не подчинены друг другу. В китайском языке, помимо интонации и порядка слов, для связи частей сложного предложения широко используются союзы и частицы союзного типа, однако также широко распространена и бессоюзная связь частей.

В сложном предложении, так же, как и в простом, **топик часто выражен подлежащим.**

Например, топиком первой части предложения «它生性孤僻，似乎每时每刻都处在回忆之中» tā shēngxìng gūpì, sìhū měi shí měi kè dōu chù zài huíyì zhī zhōng [30] – «По своей природе он был замкнут и словно все время пребывал в воспоминаниях» выступает подлежащее 它生性 tā shēngxìng, сказуемое 孤僻 gūpì является комментарием. Вторая часть предложения представляет собой эллиптическую конструкцию: подлежащее «он»/«цикада» подразумевается, но не упоминается, так как контекст того, о чем идет речь, прослеживается из первой части сложного предложения. Из этого следует вывод, что вся вторая часть предложения представляет собой комментарий.

Сложносочиненное предложение «忽然它听到了周围杂乱无章的歌唱声，它低下头想了一想，然后就有点踌躇地、断断续续地唱起来了» hūrán tā tīng dào le zhōuwéi záluàn wúzhāng de gēchàng shēng, tā dīxià tóu xiǎng le yī xiǎng, rán hòu jiù yǒudiǎn chóuchú de, duànduàn xùxù de chàng qǐ lái le [30] – «Вдруг он слышал вокруг себя хаотичное пение, опустил голову и задумался, потом запел неуверенно и прерывисто» делится на три части, при этом топиком является подлежащее первой части 它 tā. Обстоятельство 忽然 hūrán находится в предподлежащей позиции перед топиком, вследствие чего выходит за рамки топико-комментариевой структуры предложения. Группа сказуемого первой части 听到了周围杂乱无章的歌唱声 tīng dào le zhōuwéi záluàn wúzhāng de gēchàng shēng, а также вторая и третья составные части предложения выступают в качестве комментария.

Сложносочиненное предложение «它不知道要如何躲开人类的阴谋，它还是坦然地领唱，它有这么多同类，它们全都聆听它，追随它，它又怎能懈怠?» tā bù zhī dào yào rú hé duǒ kāi rén lèi de yīn móu, tā hái shì tǎn rán dì lǐng chàng, tā yǒu zhè me duō tóng lèi, tā men quán dōu líng tīng tā, zhuī suí tā, tā yòu zěn néng xiè dài? [30] – «Он не знал, как избежать заговора людей, и все же смело вел пение, ведь здесь было так много его сородичей, и все они внимательно слушали его, следовали за ним, так как мог он расслабиться?» состоит из пяти составных частей, каждая из

которых представляет собой завершённое высказывание. Повтор топики 它 tā в каждой из частей способствует его смысловому и эмоциональному выделению, придает динамичность всему выражению, характерную для экспрессивной устной речи, и является синтаксическим изобразительно-выразительным средством.

Данное предложение имеет в своем составе конечную модальную частицу эмоционально-окрашенного предложения 呢 ne. Как отмечает В. С. Панфилов, «данная частица маркирует переход к новому, контрастному топику, которому, как правило, сопутствует новый комментарий. Эта частица может маркировать не только тематический контраст, но и контраст исходного пункта высказывания» [15, 70]. В данном случае частица 呢 ne выражает подчеркнутое возмущение и обозначает переход к следующему контрастному топику.

Части сложного предложения «它是一个老单身汉，大家觉得它与众不同» tā shì yīgè lǎo dānshēnhàn, dàjiā juéde tā yǔ zhòng bùtóng [30] – «Он – старый одиночка, и все считали его особенным» находятся в бессоюзной связи, так как выражаемая связь частей ясна из контекста. Топиком предложения является подлежащее 它 tā. Комментарий данного предложения продолжает предоставлять новую информацию касательно главного действующего лица рассказа, добавляет новые важные характеристики для понимания характера старой цикады. Комментарием выступает сказуемое 是一个老单身汉 shì yīgè lǎo dānshēnhàn и вторая часть предложения 大家觉得它与众不同 dàjiā juéde tā yǔ zhòng bùtóng.

Характерной чертой организации сложных предложений является структурный параллелизм составляющих частей, что прослеживается в предложении «我眉毛上冒出的盐汗滴到眼珠里，我什么也看不见，什么也听不见» wǒ méimáo shàng mào chū de yán hàn dī dào yǎnzhū lǐ, wǒ shénme yě kàn bùjiàn, shénme yě tīng bùjiàn [31] – «На лбу пот выступил, течет по бровям, глаза, соленый, заливает, и ничего-то я там не увидела, ничего не услышала» [18, 28]. Структура последней части 什么也听不见 shénme yě tīng bùjiàn абсолютно идентична второй 我什么也看不见 wǒ shénme yě kàn bùjiàn, заменяется только сказуемое. Топиком выступает подлежащее 盐汗滴 yán hàn dī с зависимыми членами предложения (我眉毛上冒出的 wǒ méimáo shàng mào chū de), а комментарием – вторая и третья части предложения.

Часть 但是我一回到屋里 dànshì wǒ yī huí dào wū lǐ, содержащая в себе противительный союз 但是 dànshì, в предложении «但是我一回到屋里，坐在围椅里面，把双手平放在膝头上，就清清楚楚地看见了杉木皮搭成的屋顶» dànshì wǒ yī huí dào wū lǐ, zuò zài wéi yǐ lǐmiàn, bǎ shuāngshǒu píngfàng zài xī tóu shàng, jiù qīngqīng chǔchǔ de kànjiànle shānmù pí dā chéng de wūdǐng [31] – «А вернулась, села в свое кресло, приладила руки на коленях и вдруг увидела, четко-четко, крышу из

еловой дранки» [18, 28] вынесена на первое место, топиком в ней является подлежащее 我 wǒ, сказуемое с обстоятельством 一回到屋里 yī huí dào wū lǐ – комментарием. Часть 就清清楚楚地看见了杉木皮搭成的屋顶 jiù qīngqīng chǔchǔ de kànjiànle shānmù pí dā chéng de wūdǐng является комментарием, о чем свидетельствует наличие комментарийного показателя 就 jiù. Инвертированное прямое дополнение 把双手 bǎ shuāngshǒu вводится предлогом 把 bǎ. Данное предложение и по лексическому составу, и синтаксически практически полностью повторяет уже встречавшееся в тексте предложение, данный повтор призван привлечь внимание читателя и является особенностью авторского стиля.

В состав сложносочиненного предложения «那形象隔得十分近, 你一定也看到过, 实际上, 我们家里的人全看到过» nà xíngxiàng gé de shífēn jìn, nǐ yīdìng yě kàndàoguò, shíjì shang, wǒmen jiālǐ de rén quán kàndàoguò [31] – «Близко-близко, да вы тоже, конечно, видели, из нашего дома нельзя не заметить, ну правда же» [18, 28] входят три грамматические основы. В первой топиком является подлежащее 那形象 nà xíngxiàng, а комментарием выступает сказуемое с определением 隔得十分近 gé de shífēn jìn. Вторая и третья часть предложения синтаксически идентичны и обе выполняют функцию комментария. Синтаксический параллелизм служит для эмоционального усиления сказанного, как и вводное модальное слово 一定, основной функцией которого является выражение отношения говорящего к высказыванию.

Обстоятельство цели 为这件事 wèi zhèjiàn shì в предложении «我为这件事苦恼了几十年, 脸上的皱纹如刀刻的一般» wǒ wèi zhèjiàn shì kǔnǎole jǐshí nián, liǎnshàng de zhòuwén rú dāokè de yībān [31] – «Долго меня это мучило, вон какие морщины по лицу побежали» [18, 28] вводится предлогом 为 wèi и занимает место после подлежащего 我 wǒ, выступающего в качестве топика предложения. Простое глагольное сказуемое 苦恼了 kǔnǎole и комплемент длительности 几十年 – являются комментарием первой части. Придаточная часть 脸上的皱纹如刀刻的一般 liǎnshàng de zhòuwén rú dāokè de yībān выражает отношения сходства, относится к основной части усложненного предложения и является второй частью комментария. Рамочная конструкция 如……一般 rú……yībān образует часть сложного компаративного союза.

Если высказывание целиком несет в себе новую информацию, либо исходная часть сообщения известна из контекста, то **топик в предложении может вовсе отсутствовать.**

Например, в предложении «当然不是难受, 而是无比的激动与欢乐» dāngrán bùshì nánshòu, érshì wúbǐ de jīdòng yǔ huānlè [30] – «Конечно, не от нестерпимости, а от несравнимого возбуждения и радости» однородные качественные сказуемые

难受 nánshòu и 无比的激动与欢乐 wúbǐ de jīdòng yǔ huānlè связываются противительными союзами 不是...而是 bùshì...éershì. В данном предложении наблюдается эллипс подлежащего, а также отсутствует топик, так как он упоминается в предыдущем предложении (大合唱 dàhéchàng). Модальное слово 当然 dāngrán занимает начальную позицию и по этой причине лишено синтаксической функции, оно находится вне актуального членения предложения. Таким образом, все предложение, за исключением модального слова, является комментарием.

В предложении «是北风在凶猛地抽打小屋杉木皮搭成的屋顶, 狼的嗥叫在山谷里回荡» shì běi fēng zài xiōngměng de chōuda xiǎowū shānmù pí dā chéng de wūdǐng, láng de háojiào zài shāngǔ lǐ huídàng [31] – «Это волки и ущелье подвывают злобному северному ветру, который рвет еловую дранку с крыши хижины» [18, 28] наблюдается эллипс подлежащего. В определенных случаях, как отмечает Д. А. Карпека, «подлежащее может опускаться, например, для описания событий, происходящих на регулярной основе, в соответствии с правилами, традициями, нормативными предписаниями или законами природы» [7, 45]. Посредством эллипса подлежащего в данном предложении передается значение регулярности. Топик отсутствует, так как он известен из предыдущего предложения, а все предложение является комментарием.

В состав топика может входить сразу несколько членов предложения, в том числе и второстепенные члены предложения.

Например, топиком в предложении «隔壁房里, 你和父亲的鼾声格外沉重, 震得瓶瓶罐罐在碗柜里跳跃起来» gébì fáng lǐ, nǐ hé fùqīn de hānshēng géwài chénzhòng, zhènde píngpíng guànguàn zài wǎn guì lǐ tiàoyuè qǐlái [31] – «Вы-то с отцом храпите у себя так, что банки-склянки на полках дребезжат» [18, 28] является подлежащее 鼾声 hānshēng с определением 你和父亲的 nǐ hé fùqīn de. Во второй части наблюдается эллипс сказуемого. Обстоятельство места 隔壁房里 gébì fáng lǐ в предложении выносится в начало предложения, что позволяет говорить о фокусе контраста на данном члене предложения.

Предложение «我发现他们趁我不在的时候把我的抽屉翻得乱七八糟, 几只死蛾子、死蜻蜓全扔到了地上, 他们很清楚那是我心爱的东西» wǒ fāxiàn tāmen chèn wǒ bùzài de shíhòu bǎ wǒ de chōutì fān dé luànqībāzāo, jǐ zhǐ sǐ ézi, sǐ qīngtíng quán rēng dào le dìshàng, tāmen hěn qīngchǔ nà shì wǒ xīn'ài de dōngxi [31] – «Оказывается, они тут без меня по ящикам шарят, перетряхивают, вон мертвые бабочки на полу валяются, стрекозки. А ведь знают, как я всем этим дорожу» [18, 28] можно разделить на 3 части, каждая из которых обладает собственным топиком и комментарием. Топиком первой части является грамматическая основа

我发现 wǒ fāxiàn. В состав этой части предложения входит включенное дополнение 他们趁我不在的时候把我的抽屉翻得乱七八糟 tāmen chèn wǒ bùzài de shíhòu bǎ wǒ de chōutì fān dé luànqībāzāo, которое является комментарием для первой части предложения. Топиком во второй части являются однородные подлежащие 几只死蛾子、死蜻蜓全扔到了地上 jǐ zhǐ sǐ ézi, sǐ qīngtín, топиком в последней части выступает включенная часть 那是我心爱的东西 nà shì wǒ xīn'ài de dōngxi.

Топиком в первой части сложносочиненного предложения «父亲用一只眼迅速地盯了我一下，我感觉到那是一只熟悉的狼眼» [31] fùqin yòng yīzhǐ yǎn xùnsù de dīngle wǒ yīxià, wǒ gǎnjué dào nà shì yīzhǐ shúxī de lángyǎn – «В быстром взгляде отца что-то знакомое. Волчье» [18, 28] выступает подлежащее 父亲 fùqin и косвенное предложное дополнение 用一只眼 yòng yīzhǐ yǎn, остальные члены предложения – комментарием. Во второй части на топиковый характер включенной части 那是一只熟悉的狼眼 nà shì yīzhǐ shúxī de lángyǎn указывает местоимение 那 nà и и такие лексические единицы, как 熟悉 shúxī «знакомый» и повтор дополнения из первой части 一只眼 yīzhǐ yǎn. Комментарием выступает грамматическая основа 我感觉到 wǒ gǎnjué dào.

В состав предложения «一醒来，我总发现自己搞错了，原来并不曾掉下什么剪刀，你母亲断言我是搞错了» yī xǐng lái, wǒ zǒng fāxiàn zìjǐ gǎo cuòle, yuánlái bìng bùcéng diàoxià shénme jiǎndāo, nǐ mǔqīn duànyán wǒ shì gǎo cuòle [31] – «А проснусь, твоя мать начинает убеждать, что ничего такого не было, не ронял я никакого ножа, померещилось» [18, 28] входит придаточная часть, выражающая временные отношения 一醒来 yī xǐng lái, которая присоединяется к основной части посредством использования специального знаменательного слова 一 yī. Предложение по структуре является сложносочиненным, так как включает в свой состав две грамматические основы.

Топиком в первой части является грамматическая основа 我总发现 wǒ zǒng fāxiàn, включенное дополнение 自己搞错了 zìjǐ gǎo cuòle является комментарием, группа второго сказуемого 原来并不曾掉下什么剪刀 yuánlái bìng bùcéng diàoxià shénme jiǎndāo также является комментарием.

Во второй части топиком выступает грамматическая основа 你母亲断言 nǐ mǔqīn duànyán. Включенные дополнения 自己搞错了 zìjǐ gǎo cuòle и 我是搞错了 wǒ shì gǎo cuòle имеют в своем составе одинаковый глагол 搞错了 gǎo cuòle и синонимичные местоимения 自己 zìjǐ и 我 wǒ. Такой синтаксический повтор усиливает эмоциональность высказывания, служит в качестве приема драматизации.

Так как в состав сложносочиненного предложения входит несколько частей, каждая из которых имеет свое собственное коммуникативное задание, возможны ситуации, когда **топиком является целая составная часть**, что, как правило, устанавливается из контекста.

Предложение «城市里热浪滚滚，不断传来老人们中暑而死的消息，救护车穿城而过，发出震天惊叫» chéngshì lǐ rèlàng gǔngǔn, bùduàn chuán lái lǎorénmen zhòngshǔ ér sǐ de xiāoxī, jiùhù chē chuān chéng érguò, fāchū zhèn tiān jīng jiào [30] – «Жара накатывала на город волнами, постоянно поступали сообщения о смерти стариков от теплового удара, по городу проезжали машины скорой помощи, сотрясая воздух воплями сирен» является сложносочиненным с бессоюзным соединением частей. Данное предложение носит «новый» характер целиком, так как является первым предложением рассказа, однако, более формально (в аспекте коммуникативного синтаксиса категория формальности довольно широка), данное высказывание можно разделить на три части, при этом первая часть 城市里热浪滚滚 chéngshì lǐ rèlàng gǔngǔn отражает ключевой смысл первого предложения – в городе стояла жара, а остальное предложение поясняет, какие последствия имело это событие. Из этого можно заключить, что первая часть сложносочиненного предложения является топиком, а другие части – комментарием.

В сложносочиненном предложении «它的歌声刚一停，大合唱就响起来了» tā de gēshēng gāng yī tíng, dàhéchàng jiù xiǎngqǐ láile [30] – «Как только его пение прекратилось, зазвучал хор» топиком является первая часть предложения 它的歌声刚一停 tā de gēshēng gāng yī tíng, что известно из предыдущего предложения. Вторая часть предложения 大合唱就响起来了 dàhéchàng jiù xiǎngqǐ láile является комментарием. В данном предложении использован такой стилистический прием, как синтаксический параллелизм, что можно заключить из идентичного порядка слов, приблизительно равного количества иероглифов в двух частях сложносочиненного предложения, противопоставления одинаковых членов предложения по смыслу. В аспекте коммуникативного синтаксиса такой прием создает особую ритмику и добавляет динамичность высказыванию, а также способствует выражению равнозначности составных частей предложения.

В сложносочиненном предложении «有一个半大顽童，总是用一把结实精致的弹弓瞄准高枝上的它，他射出的子弹好几次与它擦身而过» yǒu yīgè bàn dà wántóng, zǒng shì yòng yī bǎ jiēshi jīngzhì de dànɡōng miáozhǔn gāozhī shàng de tā, tā shèchū de zǐdàn hǎojǐ cì yǔ tā cā shēn érguò [30] – «Это был полувзрослый мальчишка, который часто целился из мощной и изящной рогатки в него, сидящего на высокой ветке, и выпущенные им камни несколько раз чуть не попали в него» топиком является первая из составных частей 有一个半大顽童 yǒu

yīgè bàn dà wántóng является топиком, так как из предыдущего предложения известно, что речь идет о человеке, которому не нравится старая цикада. Остальные части предложения представляют собой комментарий, поясняя, в чем проявляется такая неприязнь.

В сложносочиненном предложении «每当这类情形发生，老单身汉的内心就变得一片空白» měi dāng zhè lèi qíngxíng fāshēng, lǎo dānshēnhàn de nèixīn jiù biàn dé yīpiàn kòngbái [30] – «Всякий раз, когда это случалось, сердце старого одиночки замирало» первая составная часть известна из контекста, из чего следует вывод, что она выступает в качестве топика предложения. Вторая часть предложения является комментарием.

Предложение «小区的院子后面有这么多的蝉，它们的歌声并不为人们所欢迎» xiǎoqū de yuànzi hòumiàn yǒu zhème duō de chán, tāmen de gēshēng bìng bù wéi rénmen suǒ huānyíng [30] – «За дворами жилого комплекса было так много цикад, и их пение не нравилось людям» является сложносочиненным, состоит из двух частей. Топиком является первая часть предложения 小区的院子后面有这么多的蝉 xiǎoqū de yuànzi hòumiàn yǒu zhème duō de chán. Вторая часть предложения является комментарием.

Несмотря на то, что чаще всего топиком сложносочиненного предложения является подлежащее, **группа подлежащего или же одна из составных частей**, любой член (или члены) сложносочиненного предложения и соответствии с контекстом или ситуацией может выступать в качестве топика.

Так, в предложении «这里有一个很好的住宅小区，高大的杨柳成荫，蝉们在树间终日歌唱» zhèlǐ yǒu yīgè hěn hǎo de zhùzhái xiǎoqū, gāodà de yángliǔ chéng yīn, chánmen zài shù jiān zhōngrì gēchàng [30] – «Здесь находился хороший жилой комплекс, где стояли высокие тенистые ивы, а среди деревьев целый день пели цикады» топиком является известное из контекста обстоятельство места 这里 zhèlǐ, а остальное предложение, дополняя информацию о топике, является комментарием.

Нестандартно выделяется топик в предложении «那是天地间的大合唱，老单身汉听了之后差点晕了过去» nà shì tiāndì jiān de dàhéchàng, lǎo dānshēnhàn tīngle zhīhòu chàdiǎn yūnle guòqù [30] – «Этот хор был слышен повсюду, и старый одиночка чуть не упал в обморок, услышав его». Данное сложносочиненное предложение состоит из двух частей, первая из которых известна из контекста и не несет новой информации, и по этой причине входит в состав топика. Подлежащее второй части 老单身汉 lǎo dānshēnhàn и включенное обстоятельство 听了之后 tīngle zhīhòu также являются «данной» информацией из предыдущего предложения. Таким образом, топик предложения – 那是天地间的大合唱, 老单身

汉听了之后 nà shì tiāndì jiān de dàhéchàng, lǎo dānshēnhàn tīng le zhīhòu. Обстоятельство меры 差点 chàdiǎn и сказуемое второй составной части предложения 晕了过去 yūnle guòqù являются комментарием.

В сложносочиненном предложении «老单身汉对于自己同类的前途有着深远的忧虑, 它觉得它们对这现世的生活无比信赖, 也很满足, 而这, 正是它的最深的隐忧» lǎo dānshēnhàn duìyú zìjǐ tónglèi de qiántú yǒuzhe shēnyuǎn de yōulǜ, tā juéde tāmen duì zhè xiànrshì de shēnghuó wúbǐ xīnlài, yě hěn mǎnzú, ér zhè, zhèngshì tā de zuìshēn de yīnyōu [30] – «Старый одиночка глубоко переживал о будущем себе подобных, он чувствовал, что они чрезвычайно доверчивы и довольны нынешней жизнью, и это вызывало его глубочайшее беспокойство» выделяется три равнозначных части. Топик предложения 老单身汉对于自己同类的前途 lǎo dānshēnhàn duìyú zìjǐ tónglèi de qiántú известен из контекста, так как ранее речь шла об отношении цикад к своему будущему. Кроме того, на это дополнительно указывает маркер топика 对于 duìyú. Мироощущение же старой цикады отличается от большинства, и ее глубокое беспокойство о будущем своего рода является ключевой информацией в предложении. Из этого следует вывод, что в состав комментария входят сказуемое и дополнение первой части, а также вторая и третья части, при этом третья часть выходит в фокус комментария, о чем свидетельствует употребление указательного местоимения 这 zhè, а также наречия 正是 zhèngshì в отношении глубины переживаний старой цикады.

Сложносочиненное предложение «它的行为古板谨慎, 严守沉默的原则, 而且它长相威严, 小辈中还没有任何一个敢于接近它, 更谈不上同它商量什么事了» tā de xíngwéi gǔbǎn jǐnshèn, yánshǒu chénmò de yuánzé, érqiě tā zhǎngxiàng wēiyán, xiǎobèi zhōng hái méiyǒu rènhe yīgè gǎnyú jiējìn tā, gèng tán bù shàng tóng tā shāngliáng shénme shìle [30] – «Он вел себя консервативно и осторожно, строго соблюдал принцип молчания, а его внешний вид был величественен, и никто из молодого поколения не осмеливался к нему приблизиться, не говоря уже о том, чтобы с ним что-либо обсудить» можно разделить на две смысловые части, первая дает дополнительные знания о старой цикаде, о ее характере и поведении, вторая – об отношении к нему молодого поколения, при этом вторая часть содержит в себе наиболее важный смысл высказывания, из чего следует, что часть 小辈中还没有任何一个敢于接近它, 更谈不上同它商量什么事了 xiǎobèi zhōng hái méiyǒu rènhe yīgè gǎnyú jiējìn tā, gèng tán bù shàng tóng tā shāngliáng shénme shìle является комментарием, в то время как часть 它的行为古板谨慎, 严守沉默的原则, 而且它长相威严 tā de xíngwéi gǔbǎn jǐnshèn, yánshǒu chénmò de yuánzé, érqiě tā zhǎngxiàng wēiyán является топиком.

В сложносочиненном предложении «但是她正恶狠狠地盯着我的后脑勺，我感觉得出来» *dànshì tā zhèng èhěnhěnde dīngzhe wǒ de hòunǎosháo, wǒ gǎnjué dé chūlái* [31] – «Но я спиной ощущаю злобный взгляд» [18, 28] часть *但是她正恶狠狠地盯着我的后脑勺* *dànshì tā zhèng èhěnhěnde dīngzhe wǒ de hòunǎosháo*, содержащая в себе противительный союз *但是 dànshì*, вынесена на первое место, главная часть следует за ней. Именно основная часть является топиком в данном предложении, несмотря на то, что располагается после комментария.

Грамматическая основа предложения «我知道他们把我的一盒围棋埋在后面的水井边上了，他们已经这样做过无数次，每次都被我在半夜里挖了出来» *wǒ zhīdào tāmen bǎ wǒ de yī hé wéiqí mái zài hòumiàn de shuǐjǐng biān shàngle, tāmen yǐjīng zhèyàng zuòguò wúshù cì, měi cì dōu bèi wǒ zài bànyè lǐ wāle chūlái* [31] – «Это они, я знаю, зарывают мои шахматы у колодца за домом, ночью пойду, вырою, а они опять спрячут» [18, 28] – подлежащее *我 wǒ* и простое глагольное сказуемое *知道 zhīdào*, именно данная грамматическая основа является топиком, а придаточное предложение *他们把我的一盒围棋埋在后面的水井边上了 tāmen bǎ wǒ de yī hé wéiqí mái zài hòumiàn de shuǐjǐng biān shàngle* выступает в роли комментария.

Вторая часть предложения *他们已经这样做过无数次 tāmen yǐjīng zhèyàng zuòguò wúshù cì* полностью является топиком, что становится понятно из контекста: эту информацию читатель узнает в процессе прочтения текста, а благодаря введению данного топика автор подытоживает все сказанное ранее. Об этом говорит и использование личных и указательных местоимений в предложении, а также наречий *已经 yǐjīng* и *无数次 wúshù cì*, подчеркивающих повторяющийся характер действий.

В третьей части обстоятельственный оборот времени *在半夜里 zài bànyè lǐ* занимает место после дополнения *被我 bèi wǒ* и перед простым глагольным сказуемым *挖了出来 wāle chūlái*, хотя, как утверждает Д. А. Карпека, «место обстоятельственных оборотов времени в предложении – либо непосредственно после подлежащего, либо на первом месте в предложении» [7, 88]. Изменение позиции обстоятельного оборота времени относится к синтаксическим особенностям художественного текста. Таким образом автор выделяет дополнение *被我 bèi wǒ*, акцентируя внимание на том, что герой произведения действительно выполняет действие; это своеобразное доказательство лирического героя самому себе о своей вменяемости, из чего следует, что топиком в данной части предложения выступает обстоятельство *每次 měi cì*.

Актуальное членение сложноподчиненного предложения так же, как и сложносочиненного, находится в прямой зависимости от контекста.

Первая и вторая части сложноподчиненного предложения «可是它们觉得自己有权利歌唱，于是它们就唱了，它们才不会为人类的眼色而改变自己呢» kěshì tāmen juédé zìjǐ yǒu quánlì gēchàng, yúshì tāmen jiù chàngle, tāmen cái bù huì wéi rénlèi de yǎnsè ér gǎibiàn zìjǐ ne [30] – «Но они чувствовали, что имеют право петь, поэтому пели, и не изменились бы ради удобства людей» соединены условным союзом 于是 yúshì. Топик 它们 tāmen возникает в каждой из составных частей предложения, придает высказыванию экспрессивность, делает речь четкой, выразительной; со стилистической точки зрения представляет собой эффективный прием для передачи эмоциональной стороны высказывания. Комментарием являются вторая и третья части сложноподчиненного предложения.

Первая часть сложноподчиненного предложения «我心里很乱，因为抽屉里的一些东西遗失了» wǒ xīnlǐ hěn luàn, yīnwèi chōutì lǐ de yīxiē dōngxī yíshīle [31] – «На душе мутно, кое-что все-таки утащили» [18, 28] является топиком предложения. Вторая часть предложения 因为抽屉里的一些东西遗失了 yīnwèi chōutì lǐ de yīxiē dōngxī yíshīle является комментарием.

Таким образом, в сложносочиненном и в сложноподчиненном предложении состав топика варьируется в зависимости от контекста: топиком могут выступать как главные, так и второстепенные члены предложения, а также целые составные части. Наиболее универсальным средством для выявления компонентов актуального членения является контекст, позволяющий однозначно интерпретировать коммуникативную организацию как отдельных предложений, так и всего текста.

Контекст является универсальным средством идентификации компонентов тематической принадлежности,

Идеостиль Цань Сюэ в аспекте коммуникативного синтаксиса наиболее ярко проявляется в сложносочиненном предложении. К его проявлениям относится повтор топика, представленного подлежащим, использование таких маркеров комментария, как указательные местоимения, наречия, а также пунктуационные особенности, способствующие более эмоциональному восприятию текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс коммуникации предполагает наличие определенных правил и конвенций, при помощи которых осуществляется регуляция и контроль над речевой деятельностью, причем эти правила и конвенции, закрепленные в культуре и языке на определенном этапе, имеют свои особенности, обусловленные структурной организацией и контекстом конкретной речевой ситуации.

Методы изучения основных принципов синтаксиса китайского языка в период активного формирования данной науки претерпевали различные изменения, дополняя друг друга и тем самым формулируя наиболее полную и подробную синтаксическую теорию, применимую в современной китайской грамматике.

На современном этапе развития синтаксической науки в Китае, исследователи сходятся во мнении, что синтаксическая функция слова обнаруживается через его отношения с другими словами в предложении, которые выражаются при помощи порядка слов и употребления служебных слов, а не в его морфологических признаках. В китайском синтаксисе выделяется шесть членов предложения: подлежащее, сказуемое, дополнение, комплемент, определение, обстоятельство. Наиболее типичная схема китайского предложения с глагольным сказуемым: «подлежащее – сказуемое – дополнение». Предложения делятся на простые (имеют в составе одну предикативную единицу), усложненные (состоят из двух частей, одна из которых представляет собой придаточную либо включенную часть) и сложные (части связаны союзным и бессоюзным сочинением и подчинением).

Основными особенностями синтаксиса китайского языка являются: беспредложные словосочетания, эллипс, идентичное оформление синтаксических единиц, показатели членов предложения, групповое оформление членов предложения, включение членов предложения, а также рамочные конструкции.

Важнейшим принципом синтаксиса китайского языка является фиксированный порядок слов, перестановки в рамках которого допускаются только в определенных пределах, при этом без изменения синтаксических ролей лексических единиц.

Назначением синтаксиса как определенного уровня языковой системы является формальная организация связной мысли. Для правильного понимания коммуникативного намерения необходимо разделять понятия темы и ремы в предложении, или топики и комментария в китайском языке.

Одним из основных средств определения синтаксической функции слова в китайском языке является место, занимаемое им в предложении. Поскольку слово не оформлено грамматически, его отношение к другим словам передается с помощью аналитических средств, а именно – с помощью предлогов и порядка слов.

Основными показателями топики или комментария при актуальном членении предложения являются логическое ударение и маркеры, такие как интонация и лексические средства (啊, 吧, 嘛 и др.) и предлоги (关于, 至于, 对于, 为了, 因为, 作为, 根据 и др.). Своеобразие коммуникативного оформления предложения является порождением речевой ситуации (или контекстного окружения) и структурно-семантической организации предложения, которая предопределяет потенциальные возможности коммуникативного использования предложения.

Наиболее универсальным средством для выявления компонентов актуального членения является контекст, позволяющий однозначно интерпретировать коммуникативную организацию как отдельных предложений, так и всего текста. Контекст играет важную роль в определении коммуникативной задачи, которую выполняет конкретное высказывание, и помогает определить актуальное членение предложения в соответствии с этой задачей.

В проведенном исследовании были рассмотрены синтаксические конструкции в отрывках из рассказов писательницы Цань Сюэ «Хижина в горах» и «Старая цикада». В общей сложности было проанализировано 65 синтаксических конструкций и входящих в их состав синтаксических единиц.

В результате анализа было выявлено, что 24 предложения по структуре являются простыми предложениями. Актуальное членение простого предложения подразумевает выделение в составе предложения топики, наиболее часто представленного подлежащим либо грамматической основой с второстепенными членами предложения, и комментария. Как правило, актуальное членение распознается в контексте. Простота синтаксических конструкций связана с экспрессивным живым авторским стилем, приближенным к разговорной речи.

14 предложений по структуре являются усложненными, в 7 случаях за счет включенного предложения – одной из синтаксических особенностей китайского языка, в остальных случаях с помощью придаточной части. В усложненном предложении топики, как правило, выступает подлежащее или грамматическая основа предложения.

Сложносочиненными являются 25 предложений в проанализированном отрывке, сложноподчиненными – 2. Части сложного предложения в рассказах

Цань Сюэ в абсолютном большинстве случаев находятся в бессоюзной связи, так как выражаемая связь частей ясна из контекста. По этой же причине в синтаксических конструкциях почти не встречается подчинительная связь частей. В сложном предложении состав топика варьируется в зависимости от контекста: топиком могут выступать как главные, так и второстепенные члены предложения, а также целые составные части. Контекст является универсальным средством выявления компонентов актуального членения, которое позволяет дать однозначное толкование коммуникативной организации как отдельного предложения, так и текста в целом.

Специфичность идеостиля Цань Сюэ в аспекте коммуникативного синтаксиса наиболее ярко проявляется в сложносочиненном предложении. Она выражается через повтор топика, представленного подлежащим, использование таких маркеров комментария, как указательные местоимения, наречия, а также пунктуационные особенности текста, что также способствует более эмоциональному восприятию текста. Кроме того, для достижения эффекта абсурда посредством нарушения логических связей Цань Сюэ заменяет «данную» информацию на «новую» в топике и «новую» на «данную» в комментарии с помощью резкой и необоснованной смены топика.

Рассмотрев данные отрывки, можно также отметить синтаксические и лексические повторы, обеспечивающие текстовую когезию. Для большей выразительности автор использует такие стилистические синтаксические средства, как эллипс и синтаксический параллелизм.

Таким образом, коммуникативный синтаксис занимает важное место в системе средств достижения художественной изобразительности текстов на китайском языке. Понимание принципов коммуникативного синтаксиса важно, так как при чтении художественного текста происходит процесс осмысления коммуникативного намерения его автора, предопределившего необходимость той или иной структуры предложения и текста для экспрессивного подчеркивания и максимально точного выражения той или иной речевой ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Василенко, А. Н. Порядок слов в китайском языке как основа синтаксической компетенции / А. Н. Василенко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.pgu.ru/iblock/30c/Pages-from-CHast-5_2.pdf. – Дата доступа: 23.04.2023.
2. Горелов, В. И. Грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1982. – 280 с.
3. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранный язык» – М. : Просвещение, 1989. – 318 с.
4. Елецкая, А С. Справочник по рамочным конструкциям китайского языка. Более 100 конструкций с примерами употребления / А. С. Елецкая. – М. : Издательский дом ВКН, 2021. – 84 с.
5. Иванов, Н. В. Актуальное членение предложения: на пути к новой парадигме теории / Н. В. Иванов // Проблемы и перспективы развития лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики : сб. ст. / Московский государственный институт международных отношений. – М. : Резонанс, 2009. – С. 1-8.
6. Касевич, В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / Под ред. Ю. А. Клейнера. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – Т. 1. – 664 с.
7. Карпека, Д. А. Синтаксис китайского языка : единицы и структуры / Д. А Карпека. – СПб. : Восточный экспресс, 2019. – 504 с.
8. Келиму, А. Актуальное членение предложения и основные способы его выражения в русском и китайском языках / А. Келиму // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – №3 (94). С. 281-285.
9. Китайско-русский словарь : Около 60000 слов / З. И. Баранова, В. Е. Гладцков, В. А. Жаворонков, Б. Г. Мудров. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – 524 с.
10. Крылова, С.И. Извечное одиночество души: Франц Кафка и Цань Сюэ / С. И. Крылова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/240142/1/191-198.pdf>. – Дата доступа: 03.04.2023.
11. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/>. – Дата доступа: 01.04.2023.

12. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения. / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок (сборник статей). – М. : Прогресс, 1967. – с. 239-245.
13. Матезиус, В. Основная функция порядка слов в чешском языке. / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок (сборник статей). – М. : Прогресс, 1967. – с. 246-249.
14. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий: Учеб. пособие / Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман, А. Е. Супрун; Под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйшая школа, 1995. – 336 с.
15. Панфилов, В. С. Коммуникативный синтаксис китайского языка / В. С. Панфилов // Вопросы языкознания. – 2010. – №2. – С. 64-83.
16. Сизова, И. А. Что такое синтаксис / И. А. Сизова. – М. : Наука, 1966. – 70 с.
17. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 797 с.
18. Торопцев, А. П. Цань Сюэ. «Хижина в горах» / А. П. Торопцев // Азия и Африка сегодня. – 1990. – № 12. – С. 28-29.
19. Хузиятова, Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе / Н. К. Хузиятова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-modernizma-v-sovremennoy-kitayskoy-literature>. – Дата доступа: 02.04.2023.
20. Шутова, Е. И. Вопросы теории синтаксиса на основе сопоставления китайского и русского языков / Е. И. Шутова. – М. : Наука, 1984. – 262 с.
21. Шутова, Е. И. Синтаксис современного китайского языка / Е. И. Шутова. – М. : Наука, 1991. – 391 с.
22. Щичко, В. Ф. Практическая грамматика современного китайского языка / В. Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2014. – 208 с.
23. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Полный курс перевода: учебник / В. Ф. Щичко, Г. Ю. Яковлев. – М. : Восточная книга, 2009. – 368 с.
24. Chao, Yuen-Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Yuen-Ren Chao. – Berkeley : University of California Press, 1968. – 378 p.
25. Huang, C.-T. James. Logical Relations in Chinese and the Theory of Grammar / C.-T. James Huang. – New York : Garland Publishers, 1998. – 435 p.
26. Huang, C.-T. James. New Horizons in Chinese Linguistics / C.-T. James Huang, Y.-H. Audrey Li. – Hong Kong : The Chinese University of Hong Kong Press, 1996. – 392 p.

27. Li, Charls. Subject and Topic: A New Typology of Language / Charls Li, Sandra Thompson. – Berkley : University of California Press, 1976. – 488 p.
28. Li, Charls. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar / Charls Li, Sandra Thompson. – Berkley : University of California Press, 1989. – 691 p.
29. Loar, Jian Kang. Chinese Syntactic Grammar: Funktional and Conceptual Principles / Jian Kang Loar. – New York : Peter Lang Publishing, Inc., 2011. – 493 p.
30. 残雪, 老蝉 (Цань Сюэ. Старая цикада). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.99csw.com/book/10001/358191.htm>. – Дата доступа: 30.03.2023.
31. 残雪, 山上的小屋 (Цань Сюэ. Хижина в горах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.99csw.com/book/259/11042.htm>. – Дата доступа: 15.03.2023.
32. 李临定, 主语的语法地位 (Ли Линьдин. Место подлежащего в грамматике) / 中国语文 (Китайская филология). – 1985. – №1. – С. 34-43.
33. 黎锦熙, 新著国语文法 (Ли Цзиньси. Новая грамматика национального языка). – 长沙: 湖南教育出版社, 2007. – 347 页. Чанша : Образование Хунани, 2007. – 347 с.
34. 林茂灿, 汉语语调与声调 (Линь Маоцань. Интонация и тон в китайском языке) / 语言文学应用 (Прикладная филология). – 2004. – №3. – С. 57-67
35. 陆俭明, 关于现代汉语里的疑问语气词 (Лу Цзяньмин. О вопросительных частицах в современном китайском языке) / 中国语文 (Китайская филология). – 1984. – №5. – С. 330-337.
36. 吕叔湘, 汉语语法分析问题 (Люй Шусян. Проблемы грамматического анализа современного китайского языка). – 北京: 商务印书馆, 1979. – 113 页. Пекин : Коммерческая пресса, 1979. – 113 с.
37. 马建忠, 马氏文通 (Ма Цзянжун. Грамматический компедиум господина Ма). – 北京: 商务印书馆, 1983. – 453 页. Пекин : Коммерческая пресса, 1983. – 453 с.
38. 张志公, 汉语语法常识 (Чжан Чжигун. Общие сведения по грамматике китайского языка). 上海: 上海教育出版社, 1960. – 242 页. Шанхай : Образование Шанхая, 1960. – 242 с.
39. 朱德熙, 语法讲义 (Чжу Дэси. Лекции по грамматике). – 北京: 商务印书馆, 1982. – 232 页. Пекин : Коммерческая пресса, 1982. – 232 с.

Перевод отрывка из рассказа Цань Сюэ «Старая цикада»

城市里热浪滚滚，不断传来老人们中暑而死的消息，救护车穿城而过，发出震天惊叫。那些宠物狗呆在背阴处，伸长了舌头喘着气。

郊区的情况就要好得多。这里有一个很好的住宅小区，高大的杨柳成荫，蝉们在树间终日歌唱。在伸入云霄的几棵老杨树的树冠上，一只生着强健翅膀的老蝉，总是呆在鹊巢下边的粗枝上。它生性孤僻，是一只年老的雄蝉，它作为群体的首领当之无愧。的确，很少有蝉在地下度过 8 年黑暗时光的。那段时光全面地塑造了它的性格。它是一个老单身汉，大家觉得它与众不同。

那是一个人们称之为“桑拿天”的日子。老单身汉当时就呆在它的老地方。它的思维进入了某个它的群体难以达到的层次。忽然它听到了周围杂乱无章的歌唱声，它低下头想了一想，然后就有点踌躇地、断断续续地唱起来了。它的歌声刚一停，大合唱就响起来了。那是天地间的大合唱，老单身汉听了之后差点晕了过去。当然不是难受，而是无比的激动与欢乐。

它就这样成了领唱者。它虽成了领唱者，还是独来独往。它知道住宅里有人把它看作眼中钉。有一个半大顽童，总是用一把结实精致的弹弓瞄准高枝上的它，他射出的子弹好几次与它擦身而过。每当这类情形发生，老单身汉的内心就变得一片空白。它不知道要如何躲开人类的阴谋，它还是坦然地领唱，它有这么多同类，它们全都聆听它，追随它，它又怎能懈怠？

小区的院子后面有这么多的蝉，它们的歌声并不为人们所欢迎。可是它们觉得自己有权利歌唱，于是它们就唱了，它们才不会为人类的眼色而改变自己呢。老单身汉对于自己同类的前途有着深远的忧虑，它觉得它们对这现世的生活无比信赖，也很满足，而这正是它的最深的隐忧。可是它没法将自己的隐忧传达给它的同类，除了歌唱，它无法以另外的方式同它们交流。它的行为古板谨慎，严守沉默的原则，而且它长相威严，小辈中还没有任何一个敢于接近它，更谈不上同它商量什么事了。

它从那树枝上可以眼观八方。<...>

蛛网下的遗骸吸引了小区里面的居民。老单身汉的遗体很特别，虽然已经被解体成四大块，如果将它拼起来，还是一只完整的老蝉，但是它的头部不见了。那会是怎样的一场恶斗？

蜘蛛也不见了，少年见过蜘蛛，他到那木窗后面去寻找，但找不到它的踪影。他在心里想：难道是同归于尽？那么，蝉的头部又到哪里去了？

众蝉的大合唱又响起来了，年轻的领唱者声音生涩而踌躇，犹犹豫豫地唱了一声就没了下文，全体陷入沉默。然后，这拖得过长的沉默突然被海浪般热烈的合唱打破。以前从未有过沉默，这种沉默是不是觉醒呢？所有的蝉都把目光转向

на высоких ветках, в местах, где они привыкли сидеть, одна странная старая цикада стояла. Это оно, оно же выросло, оно же концентрировало свою энергию на своем развитии. Сородичи знали: если оно хотело, оно всегда достигало цели.

В период перед переменами, старая цикада не могла позволить своему маленькому телу развиваться полностью. Оно постоянно сидело на ветке. Потеряв рожки, оно уже не могло передать своим сородичам свою энергию, но в период перед переменами в последние дни, оно каждый день чувствовало странную радость. <...>

Жара накатывала на город волнами, постоянно поступали сообщения о смерти стариков от теплового удара, по городу проезжали машины скорой помощи, сотрясая воздух воплями сирен. Домашние собаки оставались в тени, и, высунув языки, тяжело дышали.

В пригороде дела обстояли намного лучше. Здесь находился хороший жилой комплекс, где стояли высокие тенистые ивы, а среди деревьев целый день пели цикады. В кронах нескольких старых тополей, уходящих в небо, на толстой ветке под сороковым гнездом всегда сидела старая цикада с крепкими крыльями. По своей природе он был замкнут и словно все время пребывал в воспоминаниях. Это был старый самец цикады, заслуженно возглавлявший группу. Действительно, очень немногие цикады проводят восемь лет в темноте под землей. Тот период времени полностью сформировал его характер. Он – старый одиночка, и все считали его особенным.

Это был день, который люди называют «парилкой». Старый одиночка был на своем старом месте. Его мысли дошли до того уровня, которого трудно было достичь кому-либо в его группе. Вдруг он услышал вокруг себя хаотичное пение, опустил голову и задумался, потом запел неуверенно и прерывисто. Как только его пение прекратилось, зазвучал хор. Этот хор был слышен повсюду, и старый одиночка чуть не упал в обморок, услышав его. Конечно, не от нестерпимости, а от несравнимого возбуждения и радости.

Так он стал солистом. Но он, хотя и стал солистом, все еще держался особняком. Он знал, что кто-то в доме смотрит на него с ненавистью. Это был полувзрослый мальчишка, который часто целился из мощной и изящной рогатки в него, сидящего на высокой ветке, и выпущенные им камни несколько раз чуть не попали в него. Всякий раз, когда это случалось, сердце старого одиночки замирало. Он не знал, как избежать заговора людей, и все же смело вел пение, ведь здесь было так много его сородичей, и все они внимательно слушали его, следовали за ним, так как мог он расслабиться?

За дворами жилого комплекса было так много цикад, и их пение не нравилось людям. Но они чувствовали, что имеют право петь, поэтому пели, и не

изменились бы ради удобства людей. Старый одиночка глубоко переживал о будущем себе подобных, он чувствовал, что они чрезвычайно доверчивы и довольны нынешней жизнью, и это вызывало его глубочайшее беспокойство. Но он не мог сообщить о своих тайных заботах себе подобным и не мог общаться с ними иначе, кроме как пением. Он вел себя консервативно и осторожно, строго соблюдал принцип молчания, а его внешний вид был величественен, и никто из молодого поколения не осмеливался к нему приблизиться, не говоря уже о том, чтобы с ним что-либо обсудить.

С этой ветки он мог видеть во всех направлениях. <...>

Останки под паутиной привлекли жителей комплекса. Тело старого одиночки было очень особенным: хотя оно и распалось на четыре части, если собрать все воедино, получилась бы целая старая цикада, только голова куда-то пропала. Что же за жестокая схватка это была?

Паук тоже исчез, и молодой человек, который уже видел паука раньше, зашел за деревянную раму, чтобы найти его, но не сумел. Он подумал: «Неужели они погибли вместе? Тогда куда делась голова цикады?»

Снова зазвучал хор цикад, и голос молодого солиста был прерывистым и нерешительным, а после неуверенного пения не было продолжения, и все замолчали. Затем затянувшаяся тишина была внезапно нарушена волнообразным оживленным хором. Никогда раньше не было тишины, от чего же она пробудилась? Все цикады обратили свои взоры на высокую ветку. В знакомом месте стояла странная старая цикада. Это он, он снова вырастил тело, и он концентрируется на том, чтобы его тело развивалось. Цикады знали, что это значит: если есть воля, то всегда можно добиться успеха.

До полного изменения погоды старая цикада не мог полностью развить свое маленькое тело. Весь день он неподвижно сидел на корточках на ветке. Потеряв свой голос, он уже не может передать свою страсть сородичам, но в последние дни перед прохладной осенью он каждый день испытывал разное счастье. <...>